

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 1/37

ЯНВАРЬ 1937 г.

№ 1/37

СОДЕРЖАНИЕ :

Гайдар Баммат. — Бурный год.

З. Авалишвили. — Из истории кавказской политики.

Ген. Г. П. Кешитадзе. — Генерал Одишелидзе.

Андрэ Тамаш. — Венгрия и Кавказ.

Д. Дагестани. — Армянские настроения на местах и в эмиграции.

Доминик Милль. — Александретский вопрос.

Шалва Амiredжиби. — «Доклады» ген. Одишелидзе.

Тамбий Елекхоти. — Кавказ между Севером и Югом.

В. Цицишвили. — В поисках доктрины.

Обзор печати.

Хроника.

Не легко дать объективную **БУРНЫЙ** оценку политических итогов 1936 **ГОД.** года.

Для одних истекший год был самым мрачным годом послевоенной Европы; годом напряженного внутреннего кризиса и опасных социальных потрясений; годом горьких политических разочарований и дипломатических неудач.

Для других он был годом окончательного освобождения от последних пут унижительных договоров; годом головокружительного роста военной мощи и международного престижа.

Совершенно исключительным был этот год,

первый год возрожденной Римской Империи, для Италии.

Начавшийся под знаком катастрофы, в атмосфере «санкций» и экономической блокады, закончился он во дни окончательного торжества итальянского оружия в Абиссинии и ошеломившей всех политической капитуляции Англии.

Капитуляции, вероятно временной, но тем не менее далеко не безразличной для престижа мировой империи, не безразличной, следовательно, и для ее устойчивости, ибо не подлежит сомнению, что господство Великобритании на Ближнем и Дальнем Востоке в

гораздо большей мере покоится на фикции ее всемогущества, чем на реальных ее силах...

Результатом итало-эфиопской кампании и вызванных ею глубоких сдвигов на Ближнем Востоке, следует считать англо-египетский союзный договор, давший наконец Египту действительную независимость и политический статут, за который почти двадцать лет так страстно и так безуспешно боролись египетские националисты.

Этой стране, лежащей в одном из наиболее невралгических пунктов старого света, где скрещиваются имперские пути и интересы великих колониальных держав, как и соседней Саудий, вместе с другими княжествами арабского полуострова, предстоит, повидимому, играть в недалеком будущем немаловажную роль...

Причины, заставившие Великобританию пойти навстречу требованиям Египта ускорили и политическую эмансипацию Сирии и Ливана и вовлекли, попутно, мандатную державу — Францию — в довольно острый конфликт с Турцией из за Александретского санджака.

Вопрос о санджаке выходит далеко за пределы чисто местных интересов.

Ниже мы помещаем статью нашего постоянного сотрудника Д. Милля, посвященную этой проблеме.

Д. Милль был в течение долгих лет специальным корреспондентом «Журналь де Деба» в Турции. Он отлично знает Сирию и сложные взаимоотношения населяющих Санджак народностей. Точка зрения этого исключительно компетентного журналиста, несколько расходящаяся с официальной доктриной французского Министерства Иностраных Дел, несомненно живо заинтересует наших читателей.

В непосредственную связь с событиями в Восточной Африке необходимо поставить также и конференцию в Монтрэ.

Вопрос о пересмотре статей Лозанского договора, лишивших Турцию права возводить укрепления на берегах Босфора и Дарданелл, возбуждался анкарским правительством перед Лигой Наций неоднократно: в 1932, в 1933 и в 1935 г.г. (заседание Совета Лиги Наций от 17 апреля). Все эти ходатайства никакого результата не дали. Попытка, сделанная в новых условиях, созданных возникшим вокруг Абиссинии англо-итальянским конфликтом, увенчалась полным успехом.

20 июля в г. Монтрэ, в Швейцарии, представителями Австралии, Великобритании, Болгарии, Франции, Греции, Японии, Румынии, советской России и Турции была подписана конвенция, регулирующая режим проливов. Италия от участия на конференции воздержалась.

Эту конвенцию, хотя и давшую СССР возможность вводить в Средиземное море свои военные суда, в общем следует признать весьма благоприятной для Турции.

Вместе с правом возведения береговых укреплений она вернула ей фактический контроль над проливами.

Косвенным, но весьма существенным, результатом конвенции является наметившееся политическое сближение между Англией и Турцией, возвращающее эти страны к эпохе тесного сотрудничества в бассейне Средиземного моря и в Восточной Европе...

*
**

Весьма резко сказались результаты итало-абиссинской войны и на политической атмосфере Западной и Центральной Европы.

С таким трудом налаженный в Стресе единый фронт Англии, Франции и Италии оказался разбитым вдребезги.

Завтравленная вчера своими союзниками, мобилизовавшими против нее в Женеве 52 нации, Италия была вынуждена броситься в объятия Германии.

Берлин использовал создавшуюся обстановку с максимальной ловкостью. Оказывая всемерную поддержку Риму, национал-социалистическая дипломатия сумела сохранить вполне дружеские отношения с Англией. И лишь тогда, когда не оставалось уже никаких сомнений в окончательном триумфе Италии и с исчерпывающей ясностью определилось бессилие западных держав поддержать свои требования с оружием в руках, Германия нанесла свой знаменитый удар по Локарнскому договору, который так потряс Европу 7 марта минувшего года.

Занятие и укрепление Рейнской демилитаризованной зоны, произведенное вопреки договорам единоличной волей Германии и оставшееся безнаказанным, как и следовало ожидать, имело неисчислимы последствия.

Отказалась от военного союза с Францией и Англией и возвратилась к традиционной политике гарантированного государствами нейтралитета — Бельгия.

После долгих лет острой внутренней борьбы, знавшей порой трагические моменты, Австрия, с благословения Италии, подписала, 11 июля, общее соглашение с Германией. Этому акту европейская печать, занятая другими сенсациями, не уделила в свое время должного внимания. Между тем совершилось событие подлинно исторического масштаба. Соглашение, включившее Австрию в политическую и экономическую орбиту Рейха, не только зафиксировало окончательный крах Дунайской политики Лиги Наций и оперировавших за ее

кулисами великих держав, но и создало предпосылки широкого политического сотрудничества Италии с Германией.

Это та, довольно дорогая, цена, которой заплатила Италия за немецкую помощь в тяжелые минуты экономической блокады.

Октябрьская поездка графа Чиано в Германию и создание «политической вертикали Берлин — Рим», в значительной степени, являются логическим развитием политической линии, продиктованной австро-германским соглашением и фактом признания Италией немецких интересов в Дунайском бассейне...

Потеряла почти всякое значение и медленно догнивает Малая Антанта, в течение долгих лет бывшая камнем преткновения на путях справедливого разрешения острых национальных конфликтов, созданных преступным невежеством и фанатическим сектантством некоторых авторов Сен-Жерменского и Трианонского договоров.

Освобожденная от Титулеско Румыния медленно избавляется от дипломатической опеки Москвы и ориентируется на свою соседку и естественную союзницу Польшу...

В Югославии, где несмотря на дружеские советы Франции и непрерывное давление Праги и Бухареста, большевики так и не нашли для себя никакой почвы, происходит серьезная переоценка политических ценностей.

Очень важное в Балканском плане соглашение с Болгарией и заметное улучшение, еще недавно столь обостренных, отношений с Венгрией находятся в несомненной связи с наметившимся сближением Белграда с Римом и все растущим экономическим и политическим влиянием в стране Германии.

В критическом положении оказалась все более и более изолирующаяся от своих соседей Чехословакия.

Сделавшая свою страну плацдармом для советской военной авиации и сыгравшая такую активную роль при заключении рокового франко-советского договора Прага несет заслуженную кару за долгие годы политических интриг, так глубоко отравивших политическую атмосферу всей Европы.

*
**

Всю вторую половину года политическую аван-сцену Европы занимала Испания. Продолжает она занимать ее и сейчас.

Нам нет здесь надобности подробно останавливаться на происхождении и перипетиях раздражающей несчастную страну трагедии. Испанская гражданская война, благодаря проискам Москвы очень скоро превратилась в беспощадную международную борьбу разрушительных сил кровавого Коминтерна с созидательными силами мирового порядка и европейской цивилизации. В этом наднациональном аспекте испанской драмы — центр ее тяжести и серьезная опасность для европейского мира.

К несчастью Испании, противоречивые интересы великих держав в бассейне Средиземного моря дали советской власти возможность спутать карты, и вовлечь в сферу своей злобной игры и некоторые, по существу враждебные целям Коминтерна, элементы в Англии и во Франции.

Отсюда та, отнюдь не подымая и так весьма подорванного морального престижа больших европейских демократий, двойственность в политике невмешательства, которую практикует до сих пор Лондонский Комитет лорда Плимута и некоторые заинтересованные державы.

Позиция Германии и Италии, громко заявляющих, что они не допустят торжества ком-

мунизма в Испании, может быть для многих неприемлема. Но нельзя не признать, что она импонирует своей прямолинейностью и политической честностью.

Трудно сказать то же самое об их антагонистах, которые более или менее лицемерно закрывают глаза на подлинный характер происходящих в Испании событий и, объявляя себя сторонниками испанской демократии, поддерживают из под полы мадридских и барселонских анархо-коммунистов давно уже эту самую демократию без остатка скупавших...

Затянувшаяся свыше всякой меры ярмарка лицемерия, однако, как будто приходит к концу.

Появление в конце года в Испании значительного количества немецких и итальянских добровольцев сильно всполошило Коминтерн и его московских и европейских покровителей, почему то считавших, что эта форма интервенции должна быть их монополией...

Трудно сказать приведут ли к положительному результату начатые по инициативе Лондона и Парижа и еще не закончившиеся переговоры «об усилении невмешательства» и запрете посылки добровольцев в Испанию. Одно последствие они, кажется, все же будут иметь. Придется, повидимому, всем снять маски и дальнейшую игру в Испании вести в открытую.

*
**

«Джентельмен's аргумент» между Англией и Италией был подписан 2 января, но переговоры о нем велись и был он подготовлен еще в прошлом году. Будет правильно поэтому коснуться этого соглашения в настоящем обзоре. К тому же, он имеет непосредственное отношение и к испанским событиям и в значительной степени предопределяет их исход.

Суть соглашения заключается в том, что договаривающиеся стороны во первых признают и обязываются уважать взаимные интересы, как в самом Средиземном море, так и на соединяющих его с другими морями водных путях, во вторых — признают существующее в бассейне Средиземного моря территориальное статус-кво и обязуются не допускать никаких в нем изменений. Последнее обстоятельство, давая попутно удовлетворение Югославии, Турции, Греции и Египту, обозначает, что Англия признала недопустимость каких либо изменений в статуте Испании. Впрочем, чтобы не было на этот счет никаких сомнений, в «джентльмен'с агримент» введено специальное упоминание о незыблемости суверенитета Испании, как в пределах метрополии, так и в колониях...

Комментарии итальянской печати и интервью, данное Муссолини, 17 января, «Фолькишер Beobachter» не оставляют ни тени сомнения в том, что *«образование советской республики в Испании или в какой нибудь ее части, в Каталонии, например, явилось бы угрозой статус-кво и было бы в противоречии с заключенным с Англией соглашением»*.

Трудно предположить, что английское правительство не было осведомлено о высадке итальянских добровольцев в Кадиксе 24 декабря и 1 января, т.е. накануне подписания соглашения.

Видам Англии вполне отвечает контр-балансируют наличные в Испании силы немецких волонтеров — приблизительно соответствующим количеством итальянских добровольцев.

Англия заинтересована по существу лишь в том, чтобы принадлежащие Испании в Средиземном море первоклассные стратегические позиции не попали в руки какой нибудь другой великой державы и чтобы сама Испания

не окрепла настолько, чтобы быть в состоянии играть самостоятельную политическую роль.

Поэтому Англия была и будет всегда благосклонна к такой форме власти в Испании, которая обеспечит ей перманентную слабость. В этом смысле демократическая власть, какого нибудь раздираемого внутренними противоречиями «народного фронта» была бы действительно более всего приемлема для Лондона.

Желать, однако, можно чего угодно. Но Лондон слишком хорошо осведомлен, чтобы не отдавать себе отчета, что реставрация либерального парламентского режима в Испании больше невозможна и что окончательная победа ген. Франко, быть может не такая легкая и быстрая, как этого хотелось бы Риму и Берлину, в конечном счете неизбежна.

Во всяком случае и англо-итальянское соглашение и встреченная так сочувственно Германией и Италией вторая английская нота, от 10 января, которую Лондон почел полезным послать не совместно с Парижем, как первую от 24 декабря 1936 года, а самостоятельно, и эволюция влиятельной английской прессы, несомненно, свидетельствуют о том, что правительство Болдвина считает победу националистов обеспеченной и принимает соответствующие меры, чтобы нейтрализовать для себя последствия этого события.

После «джентльмен'с агримент», давшего Англии известные заверения в отношении будущего образа действий Италии в западном бассейне Средиземного моря, надо ожидать соответствующих шагов к сближению с Германией и к получению и с этой стороны необходимых для Лондона гарантий...

Вопрос в том какова будет цена этого соглашения...

Любезный некогда сердцу Муссолини пакт

Эти два события: создание, в октябре минувшего года, итало-германского идейно-политического фронта, официально декларировавшего, что целью его является активная борьба с разрушительными силами мирового коммунизма, и подписание, 25 ноября, в Берлине японо-германского соглашения, ставя-

щего во всеевропейском масштабе те же цели.

Эти два события, значение которых невозможно преувеличить, дают нам полное основание отметить ушедший год белым камешком и бодро, с твердой верой, взирать на будущее.

Гайдар Баммат.

Из истории Кавказской политики

3

ШАХ-АББАС И ГРУЗИЯ: ПОЛИТИКА БРАКОВ

После взятия Эривани, в мае 1604 года, шах-Аббас не сразу добился дальнейших крупных успехов против турок на кавказском театре войны. Попытка завоевания Шемахи в 1605 г. соединенными силами грузин и ширванцев под начальством Константина или Кюстендиль-мирзы, бегларбега Ширвана, и, в течение нескольких месяцев царя Кахетии, не удалась (см. «Кавказ» № 12/36, 1936 г.). Вопрос о кахетинском наследстве был разрешен быстро и просто, возведением на престол законного наследника молодого Теймураза в 1606 г.

Теперь надо было торопиться с вытеснением турецких гарнизонов, еще занимавших цитадели Тифлиса, Ганджи, Шемахи, Баку, Дербента; и задача эта являлась тем более неотложной, что не так давно перед этим значительные по тому времени силы московского правительства понесли поражение близ дагестанского побережья Каспийского моря (уничтожение отряда воеводы И. М. Бутурлина в 1604 году «кумыцкими людьми», союзниками турецкого паши в Шемахе, несмо-

тря на обещание паши пропустить на Терек русское войско, осажденное в Тарках и сдавшееся ему по капитуляции. Поражение это было чувствительным не только для Москвы, но и для Персии. Туркам, находившимся в кавказском Азербайджане под угрозой персидских ударов с юга и с запада, открывалась возможность связаться через Кабарду и Черкесию с оттоманскими базами на Черном и Азовском морях. Итак, нельзя было медлить. Война на кавказском фронте оживилась.

Турки сдали Ганджу (в наши дни переименованную в *Кировабад*; чем не Елисаветполь?!) летом 1606 г. А спустя год, в 1607 году была, наконец, взята и Шемаха. Дербенд и Баку подчинились вслед затем без осады. Торжество шиитской Персии в кавказском Азербайджане сопровождалось немалыми жестокостями.

Так завершился этот длительный период турецкого господства в Ширване.

Внепреки ожиданиям Аббаса, Теймураз не явился с вспомогательным войском в персидский лагерь под Шемахой. Прибыла зато мать его Кетевана с небольшим отрядом. В

действительности она была правительницей Кахетии и, очевидно, старалась, насколько возможно, остаться в стороне от этой кровопролитной и длительной схватки двух разновоспелых мусульманских империй.

В настоящее время может показаться, вообще, странным и непонятным, что в единоборстве великих держав, какими были Турция и Иран в начале 16-го века, придавалось значение столь скромным, сравнительно, единицам, как, например, Кахетия или другие части Грузии.

Объясняется же это, в двух словах, с одной стороны, их географическим положением, затем, постоянной их боевой готовностью, связанной с определенным соотношением и устойчивым равновесием их социальных слоев, а также преимуществами, вытекавшими из постоянной практики войны и возмещавшими малочисленность войск, недостаток артиллерии и т. д. Развитие этой темы далеко бы нас завело.

Показателем значения, которое признавалось, в частности, за этой восточной окраиной Грузии, даже в отдельности взятой, может так же служить и внимание, ей уделявшееся в ту эпоху с совершенно другой стороны политического горизонта.

Известна настойчивость, с которой московское правительство стремилось, в конце 16-го и начале 17-го столетий, обеспечить себе содействие как раз кахетинских царей в борьбе с дагестанским шамхалом, мешавшим упрочению московской власти в низовьях Терека. Политические и экономические интересы Москвы тяготели тогда, как мы знаем, именно к северо-кавказскому побережью Каспийского моря — отсюда и особое внимание к Кахетинскому царству, как возможному союзнику против шамхала, от которого и оно терпело не мало беспокойств.

Заметим, мимоходом, что «беспокойства» эти причинялись Кахетии, и не ей одной, по причинам довольно разнообразным. Рядом с хищничеством, так сказать, промыслового характера, обычным явлением всюду, где богатые долины манили к себе соблазном добычи бедных обитателей горных трущоб, действовали факторы международной политики, а также и демографические: с давлением последних особенно приходится считаться в сложной истории дагестано-грузинского соседства, и судьба грузинской провинции Елисени, превратившейся впоследствии, уже в новейшее время, в Закатальский округ, служит тому ярким подтверждением.

Во всяком случае, интересы Москвы и Кахетии тесно сплелись в вопросе об отношении их к Дагестану, польза от этого союза, при всем его неравенстве, ожидалась обоюдная, и это достаточно ясно, несмотря на весь ворох политических и религиозно-политических идей, исторически весьма любопытных и важных, которыми, как известно, мотивировалась связь царства Московского с Иверской землей в рассматриваемое время. При этом, все, что первое делало на Тереке с целью там как можно прочнее обосноваться, изображалось в переговорах с кахетинскими царями, как жертва, приносимая, человеколюбия и христолюбия ради, Москвою в интересах именно «иверской земли».

Необходимо, впрочем, оговориться, что единственная отчетливая, деловая мысль, лежащая в основе чрезвычайно интересных московско-кахетинских разговоров того времени, а именно, необходимость открытия дороги через Дагестан с низовьев Терека до Загема¹⁾ в Кахетии и установления, таким об-

¹⁾ Местоположение этого пункта выясняется с точностью маршрутом посольства в Кахетию кн. Мышецкого и дьяка Ключарева (1640-1643

разом, прямой связи между союзниками, оказалась совершенно неосуществимой.

Каковы были, кстати, силы кахетинских царей? Послы их в Москве говорили о 30.000-40.000 ратных людей, вероятно, с некоторым преувеличением. На большом смотре и маневрах в Кахетии, в ноябре 1589 года, около замка Торга, кн. Семен Звенигородской насчитал под знаменами 3.000 пеших и свыше 10.000 конницы, сверх того «янычар конных» с 500. Зрелище видимо, понравилось, и ему, и дьяку Торху Антонову. Они говорили царю Александру: рати у тебя по твоей земле полно. И прибавили: пожалуй тебе еще «государь царь и великий князь» (Московский) *рать с воиенным боем*, и тогда тебе можно стоять против твоих недругов.

Как бы то ни было, и Москва считала для себя полезным этот союз с кахетинским царем — союз, рисовавшийся ей, конечно, в виде «подданства» иверской земли, протектората над нею. Кахетинский же властитель в свою очередь надеялся с помощью России из-

г.г.). На пути из Шемахи, стояли они под деревнею Мешешашею, в именье кумыцкого Мамет хана-мурзы, «от Теймураза царя земли от бозару Зегеми за 10 верст». На обратной дороге пришли они «на бозар в Зегем», а спустя несколько дней «пошли з бозару и ночевали Теймураза царя под порубежною деревнею под Кахом». Граница с «шаховою землею» проходила несколько восточнее.

Для подтверждения сказанного вскользь в предыдущей статье («Кавказ», 1936 г., № 12/36) о нахождении Загема в пределах нынешнего Закавказского округа, включенного, как известно, в состав Азербайджанской республики, достаточно и вышеприведенных данных. Вообще же, все названные места можно найти и на 5-верстной карте.

Прибавим лишь, что по сведениям, сообщенным грузинскими послами московскому правительству в 1604 году, существовала выючная дорога из Тарков «в Грузинскую землю в Загем, прямо через горы» по маршруту Таракалы-«Кафыр Кумыки»-«Казы Кумыки».

бавиться от опасности, грозившей ему со стороны Дагестана. Надежда оказалась неоправданной; быть может, вследствие временного ослабления Москвы в эпоху последовавшей российской смуты, совпавшей, притом, как нарочно, с усилением Персии при шах-Аббасе, которое и самого шамхала толкало в сторону Москвы.

При Борисе Годунове на московских послов в Грузию, «думного дворянина и наместника Можайского» М. И. Татищева и дьяка Андрея Иванова возложено было (в 1604-5 г.г.), сверх их прямой политической задачи по укреплению союза, еще и особое поручение: приискать среди грузинских царевен и царевичей жениха и невесту для детей царя Бориса. По условиям того времени, в этом поручении можно видеть доказательство и общирности кавказских замыслов тогдашней Москвы, но и известного положения, признаваемого за грузинскими династиями. Однако, и брачные планы, и политические замыслы были одинаково сметены обстоятельствами Смутного времени в России. В частности, дочь Георгия Карталинского Елена, которую предполагалось, по соглашению с русскими послами, отправить в Москву ко двору, сначала на воспитание — было ей всего 10 лет (родители ее, впрочем, не очень-то с этим торопились) — украсила собою впоследствии гарем шах-Аббаса: таково уже было соотношение политических факторов в первое десятилетие 17-го века на Кавказе.

Политическое значение имел, конечно, и этот брак Аббаса с внучкою Симона Карталинского («сумасшедшего» Симона. См. «Кавказ» № 11/35, 1936 г.). Шах старался, во что бы то ни стало, обеспечить себе союз и дружбу династии восточной Грузии. И военные соображения, и политический расчет побуждали его к тому. Он имел определенных сто-

ронников среди грузинской знати. Главным же образом надлежало привязать к себе молодых царей, Теймураза и Луарсаба, и это было не так-то легко. Неявка первого во время осады Шемахи — ему было тогда, т.-е. в 1607 году, кажется, лет двадцать — показывает, что полного доверия к намерениям Аббаса у него уже тогда не было. Явились, конечно, подозрения и у шаха, считавшего Теймураза своим воспитанником и очень его обласкавшего при отпращивании в Грузию в 1606 году. В этот раз такт и личное обаяние матери молодого царя Кетеваны, из мухранской ветви Багратионов, подействовали на Аббаса. Что же касается Луарсаба, он наследовал в Карталинии отцу своему Георгию, помогавшему шаху брат Эривань в 1604 г., — и деду Симону, имевшему, как известно, большие заслуги перед Аббасом. Все это мало помогло внуку, как показало будущее. Георгий умер преждевременно, в 1605 г., по видимому, от заражения крови, причиненного укусом пчелы: сложилась, однако, легенда об отравлении его по приказанию, будто бы, Аббаса.

Еще под впечатлением взятия Эривани, т.-е. первого успеха шаха на кавказском театре войны, успеха, в котором немалую долю грузинские династы приписывали себе, оба они — Георгий Карталинский и Александр Кахетинский (это было до его гибели в Загеме) — были до крайности огорчены необходимостью уступить Аббасу, по его требованию, стратегические пункты, важные для действий против турок: Лори к югу от Тифлиса и Ках в восточной части Кахетии (нынешний Закарпатский округ). За эту уступку, оказавшуюся, в общем, временной и излишней, дана была соответствующая компенсация; вызвана же она была, может быть, чрезмерной осторожностью Аббаса, не вполне полагающе-

гося на своих союзников; однако, впечатлительное взаимного недоверия, существовавшее, может быть, и раньше, могло теперь лишь усиливаться.

Уже третья смена царей выступила на сцену в восточной Грузии со времени восшествия Аббаса на престол Персии: в Карталинии, после Симона I и Георгия X, Луарсаб II; в Кахетии, после Александра II и Константина I, Теймураз I. Неопытные молодые люди заняли места таких ветеранов войны и политики, как Симон I и Александр II. Дело было, однако, не в молодости, а в монархическом, или точнее, династическом принципе, весьма тогда живучем в Грузии, притом именно в форме трех местных династий, ответвлений древняго дома Багратидов и носительниц грузинской идеи — династий карталинской, кахетинской и имеретинской. Картина дополнялась на западе самостоятельными владениями — княжествами гурийским, мингрельским и Абхазским — с общим фасадом на Черное море. Княжество же («атабагство») Самцхийское, не так давно еще передовой бастион Грузии, подходивший к самому Эрзеруму, был теперь накануне полного политического поглощения Оттоманской Империей (достаточное вознаграждение за потерянный Ширван!). За этим, правда, весьма значительным исключением, Грузия и в этом раздробленном виде продолжала существовать политически, не теряя известного национально-культурного единства и приспособляясь, по возможности, к новым условиям международной жизни на Кавказе. После окончательного крушения единой грузинской монархии во второй половине 15-го столетия, ее традиции перешли к составным частям, пережившим катастрофу целого.

Именно жизненностью местных династий и объясняется забота Аббаса о том, чтобы бо-

лее тесными узами привязать к себе молодых грузинских царей, а через них их владения и их подданных.

Скоро после возвращения Теймураза из Персии в Греми, обычную сельскую резиденцию кахетинских царей, на левом берегу р. Алазань по верхнему ее течению, его женили на дочери гурийского владетеля.

Под крылом матери своей Кетеваны, взявшей на себя все бремя правления, Теймураз прожил с молодой женой несколько счастливых лет сплошной идиллии, которую биограф его Арчил Багратион, сам бывший одно время, много позже (в 1664-1675 г.г.) на кахетинском престоле, изображает не только с искусством поэта, но и с полным знанием дела, т.-е. описываемого им привольного существования. Имеется здесь, между прочим, замечательное описание охоты в разные времена года. Илобилует эта эпопея и важными историческими данными.

Счастье молодого царя оказалось скоротечным. Через несколько лет жена Теймураза умерла. Шах-Аббас по этому случаю отправил, для выражения ему своих соболезнований, из Испагана в Кахетию, католического отца фра Джован Тадео, члена ордена разутых кармелитов, главы их миссии в Персии. Об этом сообщает знаменитый, в свое время, а ныне порядком забытый итальянский путешественник по Востоку Пьетро делла Валле в особой *Записке о Грузии*, поданной им в Риме папе Урбану VIII в 1627 г. Тейму-

раз принял этого необычайного посланника с особым почетом и даже разрешил ему отслужить обедню в главной церкви своей страны; очевидно, речь об Алавердском соборе.

Аббас не ограничился одними соболезнованиями. Он решил, что Теймуразу надлежит вступить во второй брак. Сам взяв в жены — числом их он не стеснялся — сестру Луарсаба Карталинского — ту самую, что предназначалась в невесты последнику Бориса Годунова, царевичу Федору, — он склонил молодого вдовца к браку с другой сестрой Карталинского царя, Хорешан. Для этого брака понадобилось разрешение церковной власти, потому что жених и невеста были в недопускаемых церковным правом степенях родства. Формальные соображения, а, может быть, и личные чувства были принесены в жертву политической необходимости (1609 г.). Теймураз побывал тогда даже в гостях у Аббаса в Испагане и не мог, повидимому, пожаловаться на прием.

Этим эпизодом завершается сравнительно мирная и дружественная полоса в истории взаимоотношений Аббаса и Грузии. Полоса этого затишья скоро сменяется грозною бурей, и смену эту грузинская традиция давно связывает с именем Георгия Саабадзе, национального героя, по мнению одних, рокового авантюриста и изменника в глазах других. За политикою браков идет политика «железа и крови».

3. Авалишвили.

Генерал Одишелидзе

ПО ПОВОДУ ЕГО ВОСПОМИНАНИЙ¹⁾

Я издавна знал генерала Одишелидзе. Первая наша служебная встреча произошла во время русско-японской войны. Он был начальником штаба 3-ей Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, в которой я, а именно в 9-ом Восточно-Сибирском стрелковом полку, командовал ротой.

Следующая встреча наша произошла уже в 1917 году: он командовал Кавказской армией, а я в этой армии был командиром полка. Затем между нами, вплоть до оставления Грузии происходили неоднократные встречи, то частные, то служебные.

В жизни нашей Грузии за период 1918-1921 г.г. генералу Одишелидзе надо отвести одно из самых больших мест. Он всегда занимал в нашей иерархии одну из самых высоких должностей: то в качестве помощника военного комиссара (до объявления Закавказской республики), то в качестве военного эксперта в комиссии по переговорам с Турцией, то того же эксперта в нашей чрезвычайной комиссии в Париже, то затем в качестве члена военного совета, где он в случае отсутствия военного министра председательствовал на заседаниях, то в качестве помощника военного министра и, наконец, главнокомандующего грузинской армией.

Он никогда не был не у дел, всегда на той или другой должности; даже в 1921 году, когда он был смещен с должности главнокомандующего армией, он был назначен воен-

ным советником при председателе правительства.

Всегда он находился в правящих кругах. Это последнее обстоятельство имеет громадное значение. Он всегда был в курсе жизни нашей родины и, нет сомнения, целей и намерений наших правителей.

Своим умом, образованием, служебным и боевым опытом еще в старой русской армии, где он занимал должность командующего армией и имел за русско-японскую войну лестную награду, Георгиевский Крест, всем своим авторитетом большого и заслуженного генерала он мог и должен был imponировать людям, впервые получившим власть, — мог и должен был занять такое положение, когда к каждому его слову и мнению должны были прислушиваться, как представители правящих кругов, так и все солдаты и подчиненные.

Его роль могла быть, и была, весьма значительной в жизни нашего народа за время нашей самостоятельности. Без ошибки можно сказать, что он, как личность и как деятель, принадлежит истории.

Описывая события, разыгравшиеся за это время в Грузии, историк не может не остановиться на личности генерала Одишелидзе и особенно на его деятельности.

Он принадлежит истории и его деятельность может и должна быть разобрана, освещена и оценена.

Конечно, критика должна быть настоящая, без ругани, без демагогических выкриков. Из разбора его деятельности, как деятельности всякого исторического лица, мы должны вы-

¹⁾ См. «Кавказ» №№ 6/18, 7-8/19-20, 9-10/21-22, 1/25, 3/27, 5/29, 9/33 и 10/34.

С достоверностью можно сказать лишь одно: никаких непредвиденных и неустраиваемых обстоятельств не существовало. Ибо, что могло помешать своевременно приобрести оружие, одежду, обувь, снаряжение и пр.

Нет, обвинения ген. Одишелидзе являются тяжкими и неопровержимыми.

«Брдзолис Хма» в №№ 57 и 58 в двух фельетонных статьях пытается опровергнуть обвинения ген. Одишелидзе. Но, как и следовало ожидать, лишь доказывает правоту этих обвинений. Действительно, эта газета приводит из архива резолюции 42-го заседания Совета Оборона страны. Оказывается Совет Оборона соглашался с докладами ген. Одишелидзе и все постановляли и постановляли; но к сожалению только постановляли; а приобретено ничего не было.

Вот об этом и говорит ген. Одишелидзе и на это то и жалуется, и довольно прозрачно намекает, что кто-то за кулисами мешал проведению в жизнь его докладов, а, также ясно, и постановлений Совета Оборона.

Указания же газеты «Брдзолис Хма» относительно недостатка оружия и невозможности его приобрести, просто не серьезны. При желании и настойчивости все необходимое можно было найти и приобрести.

Мы видим, что происходит сейчас в Испании, где, несмотря на запрещения, обе стороны снабжены в избытке, как оружием, так и всем необходимым для ведения военных действий.

Не могу пройти молчанием последнего абзаца той же статьи «Брдзолис Хма», где редакция меланхолично заявляет, что если бы грузинские генералы не учились в русских школах, а учились бы грузинской (?) стратегией, то мы не повесили бы поражения в Борчало и не оставили бы Тифлиса.

Очевидно, эта редакция хотела остаться в

Тифлисе до прихода туда большевицких войск, перешедших через Кавказский хребет и уже вторгшихся в пределы Грузии.

Согласно этой же философии, очевидно кафры и готтентоты, обучающиеся в своих кафрских и готтентотских школах несомненно возьмут верх над европейцами. А абиссинский последний пример ничто для редакции «Брдзолис Хма», как, конечно, ничто и балканская война 1912 года, где генералы славянских балканских стран учились в русской, германской и французской военных академиях и все же, несмотря на это, победили своего врага. Нет, не в этом дело.

Редакции «Брдзолис Хма» следовало бы задуматься над тем обстоятельством, как это случилось, что Грузия выставила в последнюю европейскую войну для защиты России не менее 150.000 человек, и та же Грузия после 2-3 лет самостоятельного существования при своем всенародно избранном правительстве для защиты своей столицы дала лишь 9-10 тысяч человек?!

Виноват, извините, я увлекся и вышел из своего правила: никогда не доказывать, что дважды два четыре людям, утверждающим, что дважды два стеариновая свечка.

Но перейдем к воспоминаниям ген. Одишелидзе.

Как я уже отметил выше, ген. Одишелидзе писал свои воспоминания под впечатлением тех попреков и упреков личного характера, которыми его забросали слушатели на его докладе в Константинополе. Нет сомнения, он был раздражен этим обстоятельством и стал оправдываться в своих воспоминаниях. Вполне естественно, защищая себя, увлекся; стал нападать и на других.

В своих нападках он не всегда, конечно, был прав; кроме того, обвиняя кого либо, часто он тут же и оправдывает его.

Так, например, на стр. 61 своих воспоминаний он говорит: «Ко мне специально заехал Ак. Ив. Чхенкели и настойчиво потребовал от меня, чтобы я во всех армянских деревнях Борчалю, т.-е. в Санаинском ущелье, по всему его протяжению, поставил по одной, по две роты, чтобы они не восставали».

И далее: «Так как его аргументация, ввиду русского кулака, стоящего к юго-востоку от Керпили и турецкого кулака, стоящего у Александрополя, показалась мне не серьезной, да и уроки по военному делу, которые мне давали главари с.-д. партии меня начинали уже раздражать, то я сухо ответил Ак. Ив., что его совета принять немогу; и он ушел от меня довольно сердитый».

А на следующей 62 стр. мы читаем: «На вопрос, имел ли право Гедеванов быть чувствительным к советам Чхенкели, я отвечаю, может быть и да: ведь восстание армян и послужило предлогом к наступлению русских, и мы знаем, что большевики очень рассчитывают на восстание внутри страны. Таким образом, вмешательство Чхенкели, его заботы о том, чтобы армяне не восстали, казались бы нам теперь мудрым предвидением, если бы 5-ый и особенно 8-ой батальоны не бражничали у армян и не крестили у них детей, а были на чеку, как я их предупреждал».

Осуждая разбросанность расположения войск ген. Гедеванова и требуя от него по этому поводу объяснений он на стр. 63 уже оправдывает эту разбросанность войск в Борчалю и говорит: «Как бы то ни было у Иосифа Гедеванова были свои резоны действовать по своему. В самом деле, предположим, что он не поставил бы южнее Садахло ни одного солдата или так мало, как я ему приказывал. Армяне, несомненно, все-таки восстали бы, но с большими удобствами для себя сорганизовавшись при помощи русских XI

армии, проникавших туда переодетыми тысячами, в роты и батальоны»...

«Тогда Чхенкели и другие советники и учителя мои и Гедеванова сказали бы мне и Гедеванову: Вот видите, если бы вы были не столь бездарны (слово, которое часто произносилось в первые горькие минуты наших неудач и нашего изгнания) и послушались нас, то этого, конечно, не случилось, и события пошли бы иначе».

На стр. 65 можно прочесть очень интересную деталь; оказывается главнокомандующему Совету Обороны воспретил действовать через Красный мост. Вещь поразительная.

Я должен сказать, что Совет Обороны был создан в 1920 году по моей инициативе, ибо, как тогда выяснилось, по обороне страны ничего не было сделано. Положение о чем было составлено мной, и я специально ввел туда одну статью, категорически воспрещающую Совету Обороны вмешиваться в операции главнокомандующего. Эту статью я ввел, зная по опыту стремление наших правящих кругов вмешиваться в дела вне их компетенции.

Защищая себя ген. Одишелидзе нападает и на своего заместителя, упрекая его в пассивности: он также говорит, что до боев у Тифлиса было уничтожено и рассеяно лишь 2 армейских батальона (5 и 8), а не полармии, и что оставление Тифлиса якобы неожиданное для всех, убило мораль армии.

Так ли это?

У нас было 12 батальонов армии. Из них один (12-ый, стоявший в Ардагане) так и не мобилизовался и в войне никакого участия не принял; затем 11-ый прибыл из Ахалкалак уже во время нашего отступления к Хашурам; 2-ой и 3-ий батальоны оставались всегда на Черноморском побережьи, а 6-ой действовал на Лагодехском направлении. 4-ый и 10-ый были вызваны уже моим распоряже-

нием, а 9-ый прибыл лишь после моего вступления в должность, а именно 17-го февраля. Таким образом в боях до Тифлиса приняли участие 1-ый, 5-ый, 7-ой и 8-ой батальоны. Что касается народной гвардии, то их было 22 батальона, а не 17, как пишет ген. Одишелидзе. Кроме того был сформирован 23-ий, прибывший в Тифлис 24-го февраля (подполковник Пурцеладзе).

Из числа этих батальонов один был на Черноморском направлении (Сухумский), один в Лагодехах, два у Пойли. Моим распоряжением были вызваны Ахалцихский, Батумский и 2 горийских. Остальные 14 батальонов приняли участие в боях до Тифлиса.

Итак, из числа 11 армейских в боях в Борчало приняли участие 4 батальона, а из числа 22 батальонов гвардии 14 батальонов, а всего из числа 33 батальонов в боях до Тифлиса приняли участие 18 батальонов, т.-е. более половины армии.

17-го февраля я вместе с Валико Джугели выехали за Соганлуг и встретили отступавших от Сандара. Их всего было около 600-700 человек; в числе их часть 1-го армейского батальона, около 250 человек и около 150 человек Тифлисского Караульного батальона; остальные принадлежали к 15-20 различным частям. Вот все, что оставалось из общего числа 16 батальонов (2 батальона оставались на направлении Пойли). Все остальное было рассеяно.

Насколько все было дезорганизовано можно судить по следующему: из числа 5 тифлисских гвардейских батальонов, участвовавших в боях к югу от Тифлиса, 19-го февраля, т.-е. 3 дня спустя, вывели для участия в атаке Куджор лишь человек 300; остальных так и не собрали.

Таким образом, до боев под Тифлисом было

разбито, дезорганизовано и рассеяно полармии.

Первую атаку большевиков в ночь с 18 на 19 февраля встретили 2 роты 4 бат. армии, 9-ый, 10-ый батальоны, 2 горийских гвардейских батальона, военная школа, 2 роты караульного батальона и спешно сформированный моим распоряжением один батальон пограничников, т.-е. 6 батальонов и военная школа.

Остальные батальоны вливались в бой по мере их приведения в порядок, но далеко не полными.

Если говорить о морали, то мораль войск пострадала в боях до Тифлиса, в Борчало, ибо там и особенно на Храме, половина нашей армии была разгромлена.

Да и сам ген. Одишелидзе в своих воспоминаниях на стр. 73, 74 и 75 приводит примеры разложения целых частей армии и гвардии еще в боях до Тифлиса.

Не прав также ген. Одишелидзе, упрекая своего заместителя в пассивности, ибо к вечеру 18 февраля нашлось способных к бою лишь 6 батальонов и военная школа, и, если с 18 батальонами в боях до Тифлиса мы не проявили активности, то с 6-ью батальонами мечтать о наступлении, конечно, не приходилось, тем более, что к этому времени кроме противника, наступавшего с юга, появился противник и с востока через Красный мост.

Вот те поправки, на которых я хотел остановиться, читая воспоминания ген. Одишелидзе.

Ему совершенно не было надобности оправдываться; он является жертвой своей веры в людей.

Мне вспоминаются наши неоднократные споры по текущим вопросам. Он упрекал меня даже в ненастриотичности, когда я вынуждаем был уходить в отставку. Отставка всегда вызывалась неисполнением нашим правитель-

ством моих нормальных, естественных требований военного характера. Ген. Одишелидзе, уговаривая меня служить, утверждал, что надо быть с ними (с нашими правителями), влиять на них, приучать их постепенно к пониманию военного дела и пр., и пр....

Я же считал это делом безнадежным.

«Да и зачем было ген. Одишелидзе оправдываться?»

В деле обороны страны, в ее подготовке, виновны или военные, или правители. Военные, если не предусмотрели и не потребовали от правительства того, что необходимо было для обороны страны; правительство, если не дало того, что требовало военное ведомство.

Повторный, письменный доклад ген. Одишелидзе от 3 января 1921 года, за месяц до войны — лучшее доказательство, отклоняющее всякую вину военного ведомства и в частности ген. Одишелидзе.

Что же касается обвинения ген. Одише-

лидзе в неспособности и даже в бездарности, то таковое могло бы быть, скажем, предъявлено лишь в случае, если бы требования ген. Одишелидзе были исполнены, и если бы он был облечен полной мощностью. К сожалению и последнее не было соблюдено, ибо, например, ген. Гедеванов был назначен командующим войсками на фронте от Пойли до Воронцовки распоряжением Совета Обороны, а не единолично главнокомандующим, как казалось должно было быть при нормальном порядке. За неспособность же и бездарность главнокомандующего, если оно имело место, вина должна пасть скорее на правителей, не проявивших дара и способности в выборе лица, кому вверялась судьба родины.

Нет, ген. Одишелидзе явился жертвой своего горячего желания послужить своему отечеству и своей чистосердечной веры в людей, как он в своих воспоминаниях выразился, так близко подходивших к складу его души.

Г. Квинитадзе.

Венгрия и Кавказ

На первый взгляд кажется странным, что Венгрия, страна ослабленная великой войной и притом территориально изувеченная, может интересоваться вопросами Востока и иметь общие чаяния с народами Кавказа. Конечно, расстояние между Венгрией и Кавказом столь значительно, что лица неосведомленные могут, пожалуй, рассматривать их взаимоотношения, как фантастические и даже абсурдные. Но если вдуматься внимательно, то нельзя не прийти к выводу, что среди европейских народов именно венгры имеют не толь-

ко право, но и обязанность углубить и расширить все возможные отношения с Кавказом. Мы стоим тут перед прямой обязанностью, повелительностью которой прямо вытекает из нашего исторического прошлого и из наших забот о будущем. В настоящее время родство крови и происхождения развивает общее самосознание людей даже в тех случаях, когда искусственно начертанные границы их раз'единяют. Совершенно ясно, что ни венгры, ни народы Кавказа не могут далее относиться равнодушно к развитию того ново-

го идеологического течения, которое призвано руководить политикой всех сознательных народов. Наша обязанность диктуется с тем большей настойчивостью, что мы еще далеки от периода исторического упадка и полны решимости, взаимно соединив общую волю и силы, еще долгие века продолжать нашу цивилизаторскую роль в человечестве.

Незачем говорить о прошлом: каждый исторический справочник может нас осведомить об общем происхождении и венгров, и народов Кавказа, о колыбели туранизма, и говоря шире — об урало-алтайских народах, из числа которых венграм удалось занять место в центре Европы, создав там государство, являющееся посредником между Западом и Востоком. Такое географическое положение Венгрии диктует ей известные обязательства: она должна смотреть на своих братьев на Кавказе и делить с ними ответственность за общее будущее венгро-турко-кавказских народов.

Уже настало время пробудиться сознанию, дабы наше родство приняло реальный облик, и дабы, выйдя из области романтической и научной литературы, мы проявили свою способность к материальным и моральным жертвам.

Ведь это-же на самом деле недопустимо, чтобы члены нашей семьи были всячески

унижены в Европе народами, которые считают себя якобы культурнее и выше и которые на самом деле, наоборот, значительно ниже, как в бытовых своих навыках и традициях, так в семейном укладе и в глубинах духа. Нельзя долее допускать, чтобы значительное число наших братьев продолжали бродячую жизнь по европейским столицам, без всякой моральной поддержки, без сознания своей национальной ценности. И наконец, необходимо помешать, даже ценою жертвенной крови, чтобы наши земли, наше наследственное достояние — оставались добычей других народов. Мы должны противостоять всей нашей силой, всей нашей общей волей каждому посягательству на территорию любого из наших народов — членов единой семьи. Потому что исчезновение каждого из нас ведет к ослаблению и исчезновению всей группы.

Вот с какой программой практически представляет себе Венгрия свой долг в отношении Кавказа — этой восточной твердыни венгро-турко-кавказского единства.

Андрэ Тамаш,

женевский секретарь
Венгерской Лиги
пересмотра мирных договоров.

Армянские настроения на местах и в эмиграции

Номер от 30-го октября 1936 г. «Заря Востока» представляет, несомненно, очень крупный интерес для всей кавказской эмиграции. Мы говорим для «эмиграции», ибо, по всей вероятности, на местах все эти факты, освещаемые задним числом и фильтрованные к

тому же цензурой Берия, имеют более широкое распространение и вероятно ни для кого не составляют тайны.

В этом номере тифлисской газеты помещен доклад, сделанный новым секретарем центрального комитета партии Армении, А.

Аматуни, на собрании городского актива эриванской партийной организации, 2 октября 1936 года. По самому сопоставлению дат произведения этого доклада и его напечатания, можно представить себе легко, какой тщательной «шлифовке», а может быть даже и добавлениям, подвергся названный доклад: ведь теперь что Сталин в Москве, то Берия в Закавказьи...

Начав с колхозов, с синтетического каучука и с обмена «партдокументов», новый секретарь, как это полагается порядочному большевику, не преминул лягнуть в гробу своего предшественника, Ханджияна, называя его «последышем национал-уклонистов-спецификов».

Что это еще за новый термин, Аматуни и пытается нам это объяснить. Для этого он начинает с 1905-1907 г.г.:

«Политическая сущность армянского специфизма, или, как «специфики» сами себя называли, «армянской социал-демократической федерации», заключалась в стремлении, под прикрытием разного рода «специфичностей», «особенностей», оторвать революционное движение армянских рабочих от общепролетарского движения, увлечь их «национальными» интересами, подчинить рабочее движение интересам национальной буржуазии».

Одним словом, явный противовес грузинским меньшевикам, кои шли по общероссийскому руслу.

Далее докладчик приводит резкий отзыв Ленина о «домогательствах» армянских «спецификов» принять участие, в качестве представителей армянского рабочего класса в обще-русской социал-демократической конференции в 1905 году.

«Если вы согласились на их участие в конференции, писал он Ц. К. большевиков от 7 сентября 1905 года, то сделали роковую

ошибку, которую надо во что бы то ни было исправить. Это — пара женевских дезорганизаторов, издающих здесь самые пустячки, без всяких *серьезных* связей на Кавказе. Это — *бундовская креатура*, ничего более, специально выдуманная для питания кавказского бундизма.¹⁾ Если вы допустите эту публику на *русскую* конференцию, т.-е. конференцию работающих в России организаций, вы сядете в лужу. Кавказские товарищи все против этой шайки литераторов-дезорганизаторов (я знаю это от многих). Вы вызовете только протесты Кавказа и вместо «объединения», *новую* склоку. Помилуйте, как это можно игнорировать Кавказский Союз, тьму работающих в России и якшаться с подонками женевского болота!!».

И Аматуни присовокупляет:

«В годы войны и после Октябрьской революции, специфики верой и правдой служили дашнакам, англо-немецким империалистам и российской белогвардейщине». Но оказывается, «большевицкие организации Армении и Закавказья», в лице Спандарьяна и Шаумяна, «еще до октябрьской революции разгромили армянских спецификов».

Движение это, по рассказам Аматуни, делает «рецидив» в 1925-1927 г.г., когда руководителем партии армянских коммунистов состоял А. Ионисиян.

«Во первых, руководство Ионисияна пыталось в советских условиях провести в жизнь политические установки спецификов, и во вторых... оно пыталось основоположниками большевицких организаций Армении выставить организаторов специфизма. Уклонистское руководство даже умудрилось поставить

¹⁾ Идет ли речь об армянах социал-демократах или же о дашнаках, которые также называли — и называют? — себя «социалистами», не известно, доклад Аматуни в этом вопросе будучи несколько туманным.

п г. Ереван памятник одному из организаторов специфизма — Рубени».

А затем, во время коллективизации и «политики кулачества как класса».

«Решив специфизма в компартии Армении отражал активизацию и сопротивление буржуазно-кулацких элементов».

Об этом мы тоже кой-что знаем — и для этого не надо было быть «спецификом» — сопротивления это охватило весь Кавказ.

«Специфизм» Ионисяна и его единомышленников, по определению Аматаунн, заключался в следующем:

1. Протаскивание в партийную организацию Армении политики «экономического сепаратизма» по отношению к Закавказской федерации и Советскому Союзу;

2. Насажение «элементов федерализма» в партийной работе по отношению к «вышестоящим партийным организациям» (читай Москва и Тифлис).

3. Примиренческое отношение к дашнакам и к проявлениям национализма, связь и укрывательство «явных контр-революционеров типа Д. Анануна и пр.».

«Прикрываясь тогой защитников национально-бытовых особенностей Армении, национал-уклонисты выступали против коллективизации, кое-кто из них заявлял, что в условиях Армении кулак — это «психологическая категория», что в Армении не может быть буржуазного вредительства, в виду «национального отличия» армянской буржуазной интеллигенции, выразившей якобы «общенациональные интересы».

Подойдя к эпохе Ханджияна и собираясь загнать память своего коллеги и компатриота, новый генерал-губернатор Армении, начинает уверять, что

«еще до своего избрания секретарем Ц. К., Ханджиян вел либеральную линию по отношению к бывшим спецификам. Даже в самый

острый период борьбы против них, Ханджиян не порывал связей с Ионисяном».

Но главный зуб, имеющийся у Аматаунн — а может быть и у Берия — это то обстоятельство, что в исторических работах спецификов «игнорируется роль товарища Сталина, как создателя большевистских организаций Закавказья и Армении (читай недавние «установки» Берия по поводу роли «шефа народов?»). Потом оказывается, что Ханджиян «до самого последнего времени» находился в связи с другом Ионисяна — Анануном, «контр-революционером, ныне находящимся в ссылке». И в доказательство своего «обвинения», Аматаунн ссылается на одно письмо, посланное Анануном Ханджияну, где он называет его «любимый Агаси» и кончает письмо следующими «контр-революционными» словами: «привет тебе, жму твою руку». Тут же, пряткий секретарь, сообщает вскользь о содержании этого «компрометирующего» послания:

«В этом письме Ананун просит Ханджияна защитить его от обвинений в сотрудничестве с дашнакским правительством».

Что, по большевицкой легенде, должно означать тяжкий грех... для адресата (!).

Бывший секретарь *Хорурдаин Айастан*, Атаян, в своем «заявлении» — по весьма мягкому выражению Аматаунн — в Ц. К. Армении писал по этому поводу:

«В течение 1931-1935 г.г. работники *Хорурдаин Айастан* неоднократно поднимали вопрос о том, что за эти годы вопросы борьбы против дашнакской партии не заостряются и почти ни одной статьи против дашнаков не напечатано. Когда мы по этому вопросу обращались к Ханджияну, то он всегда давал такой ответ: «В нынешних условиях нет никакой надобности помещать статьи против «Дашнакцутюн». Это было бы излишним... В этом нет никакой надобности»...

«В отдельных беседах, продолжает доклад-

чик, с руководящими партийными работниками, Ханджян развивал ту мысль, что решение 6-го съезда компартии Армении, где дана характеристика партии «Дашнакцутюн», как партии армянской воюющей буржуазии, — неправильное, что это решение якобы дезорганизует организацию».

Такое определение, инсинуирует Аматауни, лишило бы возможности национал-уклонистов «протащить националистическое примиренческое отношение к партии «Дашнакцутюн», каковое они намеревались совершить «под ярлыком мелкобуржуазности этой партии и ее, якобы, революционных заслуг в прошлом и т. д.».

«И если фактически решение 6-го съезда коммунистической партии Армении, как выразился в откровенных беседах с некоторыми из своих доверенных лиц Ханджян, и не было отменено «из-за неудобств» и чтобы «не было разговоров», то на деле Ханджян свое отношение к партии «Дашнакцутюн» устанавливал в полном согласии с точкой зрения армянских национал-уклонистов».

И докладчик патетически заявляет:

«Была-ли партия «Дашнакцутюн», как это говорит Ионисян, 20-30 лет тому назад мелкобуржуазной или не была — разве это решало или решает наше отношение к партии «Дашнакцутюн»? Большевики всегда боролись против дашнаков (всегда ли? А совместная «идиллия» в марто-сентябрьский период 1918 года? — *Ред.*), этих кровавых врагов армянского народа».

И чтобы положить конец возможным толкам об отношении нового руководства компартии Армении, Аматауни тут же дает свое определение партии «Дашнакцутюн»:

«Партия Дашнаков — это политическая партия контр-революционной армянской буржуазии, партия армянских кушцов, кулаков и попов. Дашнаки — это агенты русского ца-

ризма, международного империализма, воюющие буржуазные националисты, самые свирепые враги трудящихся советской Армении. Презренные остатки этих профессиональных головорезов за рубежом называют себя «социалистами» и сегодня. Но кого они могут этим обмануть. Разве только национал-уклонистов, которые сами ищут и, как мы уже видели, нашли пути и способы сближения, смыкания с дашнаками».

И Аматауни цитирует следующее показание, данное Хачатрян Мвацом, «арестованным за принадлежность к контр-революционной троцкистско-национальной группе Н. Степанянца»:

«...По вопросу национально-культурного строительства, наша группа считала, что у нас ведется неверная политика по использованию буржуазного культурного наследия и старых кадров (т.-е. то именно, о чем твердит сейчас московская пресса по отношению *русского народа*, но повидному, что в Москве, для русских, считается в порядке вещей, для «туземцев» не годится. — *Ред.*); что партия дашнаков является мелкобуржуазной партией и оценка 6-го съездом компартии Армении дашнаков, как воюющей партии — не верна. *Дашнаков истребили зря, их можно было использовать.* Они могли быть полезными».

Аматауни заявляет далее, что будто бы Ханджян хотел установить «единый общенациональный фронт», где национал-уклонисты «смыкались» бы с «националистическими контр-революционными элементами внутри страны и за рубежом».

И вот весьма «пикантный» пассаж из показаний Д. Симоняна, «арестованного», «контр-революционера», цитируемый докладчиком:

«В феврале 1931 года я вернулся из-за границы в Ереван. При первой же моей встре-

че с Ханджяном... я ему сообщил, по просьбе Аршака Джамаляна, точку зрения партии «Дашнакцутюн» об ее отношении к советской Армении. Ханджян выразил удовлетворение, что партия «Дашнакцутюн» стоит на позициях только идейной борьбы с советской Арменией, заявил, что их критика нашей политико-экономической жизни нам очень выгодна и что, конечно, в случае катастрофы с советской властью, — дашнаки — единственная реальная сила, которая может прийти к власти. Ханджян дословно выразился так: «Конечно, в случае чего-нибудь, я и ты убежим, и хозяином армянского народа станет партия «Дашнакцутюн»...

Курсив в цитате наш, ибо, думаем мы, кавказской общественности было бы небезинтересно услышать из уст самого г. Джамаляна насколько версия об этой позиции «только идейной борьбы» по отношению к совласти точна и если да — насколько она соответствует позиции и чаяниям кавказских народов и в частности самих армян.

*
**

Ханджян, повествует далее Аматауни, если и пытался, намеревался «смыкаться» с дашнаками, то он уже «сомкнулся» целиком с другой «заграничной армянской контр-революционной буржуазно-националистической партией» — «Рамкавар». Ссылаясь на статью Берия в «Правде» о переписке Ханджяна с А. Чобаняном, «одним из виднейших деятелей» этой партии, Аматауни дополняет ее следующими данными:

«В конце 1932 года, Чобанян, используя свой приезд из Парижа в Армению (!), установил связь с Ханджяном, который, как это видно из писем Чобаняна, оказал ему любезный прием, вошел в контакт с ним, вел переписку, практически осуществлял целый ряд «деловых советов» Чобаняна».

Сообщив эту, кажущуюся для нас, политическую и даже неполитическую эмигрантов сенсационную новость — действительно, каким образом, политический эмигрант, не принадлежащий ни к коммунистической, ни даже к социалистической партии, предпринимает такое дальнейшее путешествие, да еще с «любезными приемами» и выпускается затем за границу живым и здоровым, когда любой из нас не может переписываться даже с троюродной бабушкой на родине, — это уже, в эмигрантских и в советских условиях, больше чем «роскошь». — Аматауни спохватывается сейчас же, заявляет и на этот раз врет «как сивый мерин»:

«Свою связь с Чобаняном, Ханджян тщательно скрывал от партии».

Такой видный политический эмигрант предпринимает путешествие в Армению, проходя через неминуемые советские инстанции, и об этом никто кроме Ханджяна не знает... Наивно!

Но послушаем дальше:

«Большая переписка Чобаняна с Ханджяном охватывает многочисленные вопросы политико-экономического порядка и носит характер прямых советов и указаний. Чобанян дает ему указания: «было бы очень хорошо, если бы газета Америки «Банвор» положила конец своим бессмысленным нападениям на рамкаваров»... и далее, в другом письме, с некоторым раздражением замечает: «с удивлением заметил, что даже в том рапорте... который был опубликован в официальном органе «Хорурдаин Айастан» рамкавары опять были поставлены рядом с дашнаками, как враги советской власти...».

«В одном из следующих писем Чобанян нагло советует: «очень хорошо сделаете, если в вашей прессе и в ваших речах, по мере возможности, поменьше будете говорить о дашнаках».

Из этого Амутуни делает следующее заключение:

«Наряду с вышеприведенным показанием Д. Симоняна, это письмо Чобаняна свидетельствует о том, что лидер дашнаков Джамалин и двурушник Ханджян сговорились о своих ролях и через Чобаняна и Симоняна достигли полного взаимного понимания. Ханджян пользуется советами Чобаняна, делится с ним своим мнением о современной армянской литературе, дружески вникает желание Чобаняна перевести в Армению тело хмбапета Андраника и т. п.»

Дальше Амутуни делает следующее сенсационное заявление о «флирте» Чобанян-Ханджян:

«В последнем письме, в июле 1936 года, Чобанян ставит перед Ханджяном, в связи с предстоящим съездом советов в ноябре текущего года вопрос о необходимости выдвинуть требование о пересмотре границ Армении; Чобанян предлагает *исправить ту несправедливость, которая была совершена в 1920 году. Я говорю не только о передаче Турецкой (должно быть Советской — Ред.) Армении Арарата, Сурмалу, Карса, но также Ахалкалаки и Карабаха — этих подлинных армянских районов... как и о Нахичевани, которая всегда являлась частью Армении...* (Курсив наш. — Ред.). Если эта несправедливость не будет исправлена на предстоящем в ноябре съезде советов, где будет обсуждаться и приниматься новая конституция, то это исправление в дальнейшем будет совершенно затруднено... Зарубежные армяне надеются, что сделаете все возможное, дабы этот жизненный вопрос был бы принят во внимание ноябрьским съездом»...

После того как докладчик передает эту в высшей степени «любопытную» попытку «зарубежных армян», представляемых Чобанянами, разрешить территориальную проблему

кавказских народов через посредство армянских коммунистов, он присовокупляет следующую сенсацию:

«Наглость Чобаняна доходит до того, что он прямо указывает Ханджяну на *важность стратегического значения* постановки вопроса об Ахалкалаки и строительстве Акстафинской железной дороги в будущих отношениях с Грузией».

Привинмая все эти заявления нового секретаря Ц. К. Армении с известным резервом, нельзя, все таки, не обойтись без вполне уместного вопроса: кем же уполномочен Чобанян «внушать» такие крупные вопросы армянским большевикам? Мы не хотим преуменьшить значение Чобаняна как поэта и политического деятеля, но на каком основании он от имени «зарубежных армян» решается возбуждать и — разрешать — такие деликатные проблемы, чреватые весьма серьезными последствиями в дальнейших взаимоотношениях кавказских народов? Кавказская политическая общественность едва-ли знает что-нибудь о персоне г. Чобаняна.

«Чобаняновские настроения, продолжает Амутуни, открыто пропагандировались в Армении. Печатные органы партии рамкаваров «Апага» и др. в 1931-1932 г.г. свободно распространялись в Армении».

Далее Амутуни говорит о «смычке» Ханджяна с разными лицами, ставшими теперь «контр-революционерами, троцкистами, националистами» и прочими неудобными для «данного этапа сталинской диктатуры, элементами». Например, Ханджян оказывал денежную помощь Айкуни, «одному из основателей в 1918 г. мертворожденной «армянской коммунистической партии», бывшему коммунисту, ставшему теперь «контр-революционером, троцкистом-террористом» и, разумеется, прогуливавшему теперь по разным Соловкам. В чем выражалась эта «денежная

помощь», тут же Амапуни и «доказывает»:

«На семязки Айкуни пишет члену партии Григору Вартавану: «Ты мне должен немедленно телеграфно перевести деньги, согласишься с партией исполнение твоего обещания. Очень прошу тебя также напомнить секретарю Ц.К. Ханджяну о всех его обещаниях и спроси, почему он не ответил на мое письмо; сегодня напишу Ханджяну письмо».

Конечно, Ханджян «был связан с расстрелянным контр-революционером Тер-Ваганяном». Он его устроил для «активной работы на литературном фронте» создал для него «специально» издательство при т. н. «Доме армянской культуры» в Москве. «Установлено», конечно, что «Ханджян в 1935 г. передал в распоряжение Тер-Ваганяна 30.000 рублей» (на какие цели, докладчик этого не уточняет). Это Ханджян выдвинул брата Тер-Ваганяна редактором «Хорурданн Айастан» и секретарем райкома и пр., и пр. Приезжал к нему Ереван, оказывается, конечно, и Евдокимов (один из расстрелянных «троцкистов»); это Ханджян посадил наркомпросом Армении «террориста, бандита и негодяя» Н. Степаняна, как он выдвинул на работу директором чего-то «предателя, шпиона и прохвоста» Д. Симоняна, а «секретарем партколлегии сидел контр-революционер троцкист Галоян. Далее,

«Ханджян всячески поддерживал и поощрял контр-революционную группу дашнакствующих националистических литераторов, возглавлявшуюся «бывшим» членом партии Бакунцем, разумеется уже «арестованным». Вот, что «показывает» Бакунец:

«...Деятельность нашей группы была направлена в целом против национальной политики ВКП(б) и в противовес лозунгу партии «культура национальная по форме и социалистическая по содержанию», мы отстаивали тезис «консолидации национальных при-

знаков», политически это означало: «культура национальная по форме, националистическая по содержанию».

Вот за какие притязания людей теперь сажают в тюрьму на Кавказе, в то время как в Москве бьют тех, кто непочтительно отзывается о прошлом *русской* культуры!

«Еще в 1930 году, повествует далее Амапуни, Ханджяну сигнализировали о том, что Ванандеци (другой писатель) развивает дашнакскую концепцию по основным вопросам политики партии. Теперь выяснено, что в ответ на эти сигналы Ханджян вызвал к себе Ванандеци и советовал ему: «не говори с маляшками о таких вещах».

Вот другое любопытное место в докладе, где выражается вся большевицкая система шпионажа, а также и «логика», на основании которой высылают, сажают или расстреливают людей:

«В июле 1932 года в ЦК КПА поступило заявление от члена партии Меграбяна (добрая душа!), в котором тот писал о троцкистской работе Тер-Симоняна за-границей и о его планах не возвращаться в СССР. Ханджян вызвал к себе Тер-Симоняна, который к тому времени приехал в Ереван (!!) и в присутствии Галояна сказал ему: «...Поскольку на тебя поступил материал, формально я и Галоян должны заняться этим вопросом. Заявление Меграбяна не нарушает нашего доверия к тебе. Мы тебя знаем давно и хорошо, а Меграбян старый склочник».

Следует затем другое «ужасающее», по большевицким концедиям, «преступление» Ханджяна. Ванандеци, — кстати, тоже уже арестованный, — показывает:

«...В политике наша группа решительно защищала Ханджяна, оценивая в нем защитника интересов армянской национальной культуры, в частности, литературы»...

Касается Амапуни еще одной «щекотли-

вой» темы, редко встречающейся в «юбилейных» статьях большевицкой прессы: оказывается, «бывший» (положительно, все здесь теперь «бывшие», «тоже арестованные» или «находящиеся в ссылке») сотрудник «Хорурдаин Айастан», Атаян, «описывая свои впечатления от съезда писателей в Москве, в письме к Ханджяну развивает махровую националистическую *антигрузинскую* провокацию». Далее этот вариант повторяется еще, когда Аматауни, возвеличивая до небес «метко и крепко бьющего» Лаврентия Берия, «волей вождя», пришедшего сменить «безрукого» Орахелашвили и «двuruшника» Ломинадзе, на посту руководителя Закрайкома, говорит, что Ханджян, который «клялся в верности партии», на самом деле «двuruшничал», «насаждая всеми доступными двuruшнику путями, антизакрайкомовские и *антигрузинские* настроения».

Из всего этого видно, что «межнациональная идиллия», которой так кичатся большевики в нужных случаях, имеет серьезные трещины, и что, на местах настроение далеко не «унионское»...

В дальнейшей части своего доклада, Аматауни выражается несколько «дипломатически» о крупных событиях в нагорной части Армении, не уточняя характера этих событий; послушаем, что он говорит:

«Вы помните, что в 1934 году краевой комитет партии крепко указал ЦК компартии Армении *на ошибки* в нагорных районах Армении, *где дело дошло до того, что тысячи крестьян уходили из насиженных мест, куда глаза глядят*. Крайком партии оказал огромную помощь компартии Армении. Под непосредственным руководством Крайкома и товарища Берия, при постоянной их заботе, эти районы за короткий срок времени превратились в передовые районы нашей республики. Галоян следующим образом «информи-

ровал» Ханджяна о решении Закрайкома ВКП(б) по вопросу о помощи нагорным районам Армении: «Конечно, это все не плохо, *если действительно все это делается искренне и с целью помочь*. Сколько скептицизма в этих словах! По тексту крайне осторожного заявления Аматауни, можно подумать, что дело идет или о результатах большевицких репрессий или же о форменном голоде нагорных крестьян. В обоих случаях, можно судить насколько пропагандистские реляции большевицких рептилий разнятся с печальной действительностью.

Оказывается еще, Ханджян, «разлагая своей финансовой политикой, наших хозяйственников», сетовал на то, что «Москва, мол, и Тифлис денег не дают, а «мы» все же достаем деньги и строим народный дом, улицы, школы и т. д. Видите, как «мы» печемся за армянскую культуру, за строительство Армении!».

«Вопрос о Нардome Ханджян сознательно превратил в оружие националистов для борьбы с нашей партией... Ханджян создавал такое впечатление, что Тбилиси, и Москва против строительства театра, и что поэтому мы вынуждены отрывать деньги из средств своего бюджета и строить на личный риск»...

Славословя лишний раз «родного отца, гениального Сталина и его «талантливого и верного ученика, Берия, докладчик называет своего погибшего предшественника «презренным провокатором национализма» и вкиснурует, что он «клеветца по адресу Москвы и Тифлиса», «имел в личном распоряжении значительные суммы (откуда?), которые, без ведома партии, тратил по своему усмотрению, выдавая крупные суммы националистическим элементам».

«Установлено» и все.

То же самое делал и «негодий» Галоян, «вплоть до своего ареста».

*
**

Докладчик, пользуясь сочувственным отзывом армянской националистической прессы о Ханджяне и ссылаясь в частности на заявление «дашнака Джамаляна», что «у Ханджяна пробудилась совесть патриота-армянина», подтверждает свой тезис о виновности Ханджяна в «пробуждении рецидивов армянского национал-уклонизма-специфика».

Затем, говоря уже о внезапных «успехах» партийной линии (Берия!), он проливает некоторый скудный свет на события в нагорных районах Армении, следующей фразой:

«Известно, в каком тяжелом положении находились нагорные районы Армении в 1933 году. В результате головотяпства самого Ханджяна, *неправильного планирования сельского хозяйства* (читай, налоги и «твердые задания»), *гололо администрирования* (читай, репрессий) *в деревне*, из нагорных районов крестьяне уходили тысячами, *уходили голодные*, разоряя свои хозяйства».

Хорошо, что помог Берия, под чьим руководством, еще оказывается, «ленинаканские (александропольские) большевики вышибли троцкистскую мразь».

Можно представить себе как там «вышибается троцкистская мразь»...

В заключение Аматауни уверяет, что «крепка и сильна любовь большевиков и трудящихся Армении к товарищу *Берия!*».

Должно быть в этих уверениях чувствуется «крепкая и сильная» необходимость»...

Далее, говоря о «ваших дальнейших задачах», Аматауни, так яро обвинявший Ханджяна в «национализме», заявляет, что он, в сущности говоря, не заботился об армянской национальной культуре, и в доказательство этого заявляет, что для «вузов издано всего-навсего 7 учебников на армянском языке — позорнейшая цифра!».

Заявив уверенно, что «армянская интеллигенция, которая находится у нас, а не за рубежом — за нас, за советскую власть, за партию Ленина-Сталина», новый секретарь компартии Армении приглашает зарубежных армян, «жертв империалистической войны и преступной политики дашнаков», пожаловать без опаски в советскую Армению, но «без посредничества политических пройдох типа Чобаняна».

Переходя далее к новой конституции, Аматауни уверяет, что она «еще больше закрепляет дружбу народов советского Закавказья (конечно, федерации», в доказательство чего заявляет: «Поэтому с таким невиданным остервенением завывали дашнакские писаки!».

Коротко и ясно.

После того, как он еще лишний раз «проходится по адресу» дашнаков, докладчик заявляет:

«Дашнаки — эти заклятые враги Закавказской Федерации — теперь пытаются показать себя защитниками ее от большевиков. Бывший дашнакский военный министр Рубен, недавно выпустил специальный «труд» о сталинской конституции, где он методами самой низкопробной демагогии и жульничества, старается уверить отсталые слои трудящихся зарубежных армян, что, якобы, сталинская конституция совпадает с «социологической программой» партии «Дашнакцтун», и что поэтому дашнаки не возражают против применения «социально-экономических основ» сталинской конституции... Теперь, маскируясь «признанием» «социально-экономических основ» сталинской конституции, дашнаки продолжают контр-революционную провокацию о «государственных границах» и «суверенитете наций» и пытаются противопоставить друг другу советскую Армению и Советский Союз. К этому клонится весь смысл

лже-научных потуг отъявленного фашиста, дашнакского хмбалета Рубена».

Тут же следуют курбеты по адресу «великого русского народа» при помощи которого армянский народ добился свободы и проч., и проч.

Мы привели этот весьма любопытный документ, читая который между строк, невольно представляешь себе положение на местах, главным образом, среди тех элементов, которые как беспомощные манекены, должны привить нашим народам социалистические устои Маркса-Ленина и уверить их, что они очень и очень счастливы под «отеческим надзором» великого Сталина. С другой стороны, документ этот проливает некоторый свет и на разные наивные потуги тех или иных отеческих политических деятелей создать некоторый «деловой» мост между рубежом и местными силами для разрешения известных нам территориальных проблем.

Не знаем, насколько верят эти круги в целесообразность этих московских игрушек и насколько такие приемы, сами по себе, «удобны» по отношению к заинтересованным соседям армянского народа, за счет которых должна состояться эта «переделка», не говоря об «удобстве» для самих этих персон, находящихся *все же* на противоположной социальной идеологии с коммунизмом. Оставляя в стороне моральное значение таких потуг, можно констатировать в какой мере подобного рода вождения могут рассчитывать на практические результаты.

Факты на лицо и ханджянская эпопея может служить лишним доказательством эфемерности подобных надежд.

К более подробному анализу этих истин мы еще вернемся.

Д. Дагестани.

Александреттский вопрос

Французы — самые компетентные, вплоть до журналистов, отнеслись с доверием к совершенно неправдоподобному известию, пришедшему из Константинополя о том, что Турция помышляет захват силой Александретты.

Поистинѣ возбуждение умов должно было быть чрезвычайным, чтобы приписать намерения столь же смехотворные как и мало почетные президенту Кемалю Ататурку.

Дело в том, что общественное мнение во Франции инстинктивно опасается несчастных последствий политики уступок, введенной Брианом. Оно знает, что трудности неизбеж-

но должны возникать при каждом случае, когда, как это произошло с нами в Турции, создается впечатление слабости в политическом, дипломатическом и военном отношениях.

Далеко не излишне поэтому припомнить события.

Общезвестно, что азиатские провинции Турции в 1918 году были заняты английской армией. Интерпретация данная верховным командованием англичан пресловутому перемирию в Мудросе, дала возможность английской армии оккупировать в числе прочих провинций Киликию, выйдя, следовательно, за

границы местности географически известной под названием Сирии, в состав которой входила Александретта и Антиохия. По договорам между союзниками еще в течение войны Франция получила известные права в Сирии, вылившиеся в конечном итоге в мандат, который ей был присужден. Протокол 15 сентября 1919 года зафиксировал смену британских оккупационных войск — войсками французскими. Этим решением был положен конец территориальным захватам Англии; французы, следовательно, были этим удовлетворены, но с другой стороны сожалели об сделанной во вред им ампутации той части Сирии, которая связана была с Францией исторической традицией, и о присуждении им Киликии, которую ни один француз не желал отбирать у турок.

В виду этого последнего пункта, французское правительство затруднилось послать количество войск, равное пяти великолепным дивизиям англичан, которые однакож по мнению маршала Алленби, являлись все же недостаточными.

Одна единственная дивизия, и притом не в полном комплекте, заменила пять дивизий англичан.

Очень плохо осведомленный случайными агентами, посланными в Анкару, Бриан рассчитывал на помощь кемалистов, в виду того, что было открыто заявлено и даже занесено в Севрский договор, что Киликия будет возвращена Турции.

Он не принимал во внимание, хотя события ежедневно это подтверждали, что турки чувствовали себя уязвленными самым серьезным образом, поражением, что они останутся неутомимыми врагами Франции (что и произошло с тех пор), и что к тому уже, национальное правительство будет считать своим долгом пользоваться всеми случаями для во-

енных операций, которые смогут улучшить моральное самочувствие, несколько тогда упавшее, очень честных и очень храбрых анатолийских турок.

Как и повсюду на свете, а на Востоке более чем где либо, можно творить лишь такую политику, которая соответствует реальным силам. В Турции, естественно, внимательно наблюдали за силами, которые Франция выставила на Леванте перед глазами своих соперников, своих врагов и населения, которому нам полагалось импонировать. Произошло то, что должно было нормально произойти. Горстки наших гарнизонов регулярно окружались гетами, организованными Анкарой и эмиром Фейсалом.

Многочисленные неудачи, одна серьезнее другой, чередовались беспрерывно.

Париж наконец взволновался этим. Пять дивизий были в конце концов посланы в Сирию и Киликию, но маленькими отрядами, всегда неуккомплектованными, подчас даже без авиации, совершенно необходимой однакож. Это был верный способ сделать оккупацию невыносимой.

В результате, г-н Бриан по мотивам эгоистическим и чуждым нашему политическому положению, внезапно решил вступить в экстренные переговоры с Анкарой об эвакуации Киликии.

Обстоятельства, при которых совершен был этот акт дал возможность турецким националистам эскплоатировать удачу их гверильи за счет нашего престижа.

И вот в этой, столь для Франции плачевной атмосфере, г. Франклэн-Буйон, по совету случайных сотрудников, заключил в Анкаре плачевный договор 21 октября 1921 года. Легко понять каковы были заблуждения царившие на Кэ д'Орсе, в которых мы отнюдь не считаем ответственным Франклэн

Буйона, принимая во внимание, например, тот факт, что в то время, когда договор этот представлялся, главным образом, как соглашение о границах между Турцией и странами окончательно от нее отошедшими, линия последнего восточного сектора была обозначена как проходящая по «старой дороге». А между тем никогда «старой дороги» не было, а целая сеть разветвлений старых дорог, отделенных друг от друга несколькими километрами. понадобилось семь лет для урегулирования этого пункта, к тому же к выгоде Турции.

За это время Англия получила *без каких либо сервитутов* всю область Моссула и тамошних курдов.

Приемы которых мы мельком коснулись дают понятие насколько 7-ая статьи октябрьского договора 1921 года и его дополнений, касающихся Александретты и Антиохии, могли породить недоразумения. Этот договор мог бы удовлетвориться в вопросе о турецких меньшинствах этих двух провинций, формулой, имеющей место в соглашениях, заключенных с другими государствами. Французский представитель, очень торопившийся, впрочем, не по своей вине, одобрил следующую редакцию:

Особый административный режим будет установлен для области Александретты. Турецкое население этой области будет пользоваться всеми преимуществами для развития своей культуры. Турецкий язык будет языком официальным.

В подписанном протоколе стояло:

«Для областей Александретты и Антиохии. Юсуф Кемаль бей признает необходимым разрешить населению право на особый флаг включающий также и флаг турецкий. Французский уполномоченный, признав желательность такого права, обещал предпринять не-

обходимые шаги перед своим правительством».

Турецкий уполномоченный формулировал следующее предложение, которое французский представитель согласился поддержать у своего правительства:

«В Александреттском порту турецкие выходы, турецкие имущества и флаг должны пользоваться всеми портовыми свободами. Они будут в этом отношении вполне приравнены к местным жителям, их имуществу и судам.

«В этом порту Турция получит право пользоваться прямым транзитом для товаров, идущих из Турции или обратно.

«...Области с турецким большинством будут управляться администрацией турецкого происхождения.

«Этот режим будет применяться также к области Антиохии и к тем частям бывшего Аданского вилайета, которые остались южнее линии, определенной 8-ой статьей договора».

**

Подтверждая в Лозанском договоре (статья 3-ья), что граница Турции от Средиземного моря к персидской границе зафиксирована так, как она определена в статье 8-ой франко-турецкого соглашения от 20 октября 1921 года, и подтверждая вместе с тем статьей 16-ой, что Турция отказывается от всех прав, каковы бы они ни были в отношении территорий вне этих границ, первый представитель Турции настоял на прибавлении к той же 16-ой статье, что эти соглашения не могут касаться тех особых вопросов, которые возникли или возникнут между Турцией и ее лимитрофами в виду их соседства.

Кроме того он получил письменное удостоверение от французского делегата, что новый

мирный договор ничем не нарушает положений франко-турецкого договора, подписанного в Анкаре 20 октября 1921 года.

Турецкое правительство вновь пользовалось все той же вышеупомянутой франко-турецкой конвенцией, касавшейся знаменитого «старого пути» восточной границы, чтобы получить подтверждение французского правительства, что каковы бы ни были будущие административные меры или новый государственный статут в Сирии, всегда будет принят во внимание тот специальный режим, который установлен для области Александретты 7-ой статьей Анкарского договора.

Все эти принятые Францией обязательства были добросовестно выполнены, что впрочем признало и само турецкое правительство.

И тем не менее турецкий министр иностранных дел и его главные сотрудники, принимая верховного французского комиссара в Сирии г-на де-Мартеля, обращали его внимание на специальный режим Александреттской области в отношении жителей турок.

Таким образом, в трех различных актах и в разных обязательствах между 1921 и 1933 г.г. турецкое правительство настаивало на турецких правах в Санджаке без того, чтобы французское правительство нашло нужным запросить о причинах и целях этих напоминаний. Не то, чтобы представители Франции в Сирии не обращали своевременно внимания Ка д'Орсэ на это обстоятельство, но они неизменно получали в ответ указания, не поднимать никаких неприятных для турок вопросов, и таким образом г-н де-Мартель должен был заверить своих турецких собеседников 27 марта 1935 года, что Франция имеет в виду сохранить автономию Александреттского санджака и уважение к существующим между двумя правительствами договорам.

Но всего удивительнее была та настойчи-

вость, с которой министр иностранных дел г. Русту Арас и его видный помощник г. Нуман Менеменоглу советовали нам дать независимость государствам Леванта, правда, по примеру того, что было сделано англичанами в Ираке.

Но англичане — и в этом великий секрет сэра Ренальда Линдсэй, уполномоченного Великобритании — убедили Турцию, что они вовсе не имеют в виду на самом деле покровительствовать меньшинствам, составлявшим стародавнюю клиентуру Франции, а тем более курдам одинаково неприятным как иракским мусульманам, так и туркам Анатолии.

Традиции Франции недопускали такого образа действий.

Но с тех пор самые видные турецкие политические деятели открыто признавали, что французский мандат их несколько не беспокоит, так как французы слишком малочисленны, но они опасались, что как бы характерная для Бриана, его сторонников и учеников пассивность не побудила Францию перестать интересоваться государствами Востока и передать мандат другой державе Средиземного моря, чего Турция ни в коем случае не могла бы допустить.

Ка д'Орсэ не раз жертвовало в прошлом французскими культурными, экономическими и финансовыми интересами в Турции для того, чтобы понравиться турецкому правительству. Поступало оно таким же образом и с интересами Киликии. Однако, на этот раз оно почему то не сочло нужным поставить свою столь ревнивую соседку в курсе проектировавшихся изменений в статуте вверенных французскому мандату государств. Между тем более бережное и внимательное отношение к Анкаре как будто диктовалось и дружескими отношениями нашими к Турции, которые Ка д'Орсэ всегда подчеркивало и про-

сто необходимостью сохранения добрососедских отношений.

Г. Русту Арас не преминул отметить это обстоятельство на заседании Совета Лиги Наций. Мы считали нужным упомянуть об этом факте, потому что он объясняет, хотя, конечно, не оправдывает, чувство горечи и раздражения, которое можно усмотреть в действиях некоторых турецких представителей и в особенности в позиции занятой турецкой прессой, позицией, которая не может не внушать нам беспокойства и сожаления.

Вернемся однако к событиям более поздним. Впервые о своем намерении установить новый режим для Сирии французское правительство заявило через своего представителя на заседании Совета Лиги Наций 26 сентября.

Г. Русту Арас немедленно сформулировал возражения, перечисленные и детализированные в ноте, обращенной Кэ д'Орсэ 9 октября 1936 года, турецким послом в Париже. В ноте указывалось на наличие значительного турецкого большинства в Александrette и Антиохии, на стремление Санджака к независимости вне связи с другими народностями Сирии, в особенности же в ней подчеркивалось, что договор с Турцией от 20 октября 1921 года был подписан Францией от своего собственного имени, а не в качестве мандатной державы в Сирии. В заключение Турция просила Францию заключить с делегатами преобладающего в Александrette и Антиохии турецкого населения трактат, аналогичный только что заключенному с Сирией и имеющему быть заключенным с Ливаном; эти области с турецким большинством, указывала Анкара, были уступлены непосредственно Франции и не должны быть сегодня включены в состав независимой Сирии.

Кэ д'Орсэ, в ответе своем от 10 ноября 1936 года, указало, что соглашение 20 ок-

тября 1921 года имело главным образом задачу разграничения турецкой и сирийской территорий и что разнообразные вопросы, подвергнувшиеся попутно обсуждению, как то турко-сирийская таможенная конвенция, права турецкого меньшинства и проект специального для него административного режима и пр. трактовались исключительно в рамках сирийской государственности и имели целью обеспечение для турецкого меньшинства условий, гарантирующих свободу употребления турецкого языка и культурного развития.

Французское правительство напоминало, что оно действовало в качестве мандатной державы и что качество это было предоставлено ей союзными державами 25 апреля 1920 года и подтверждено актом о мандатах 24 июля 1922 года. Эти документы указывали, что задачей мандатной державы является подготовить к независимости точно указанные в них два государства, а именно Сирию и Ливан. Французское правительство, взявшее в качестве мандатной державы известные обязательства от имени и за счет Сирии, обязано заставить Сирию уважать эти обязательства, но оно не может изменять условий акта о мандатах и давать международный статут той или иной части территории двух государств, которые она обязалась привести к независимости. Операция, предложенная Турцией равносильна расчленению Сирии. Обязанность же мандатной державы как раз в том и заключается, чтобы гарантировать территориальную целостность вверенных ее мандату государств.

Наконец, французская нота настаивала на том, что ст. 7-ая договора 21 октября 1921 года предусматривала установление для округа Александретты специального административного статута, но отнюдь не особого политического статута.

Турецкое правительство возразило, что в тот момент, когда был заключен пакт Лиги Наций в июне 1919 года, положение Сирии было положением оккупированной области и никаких юридических последствий породить не могло, что в 1921 году в областях Леванта, отторгнутых от Турции, никакой политической формации, именуемой сирийским государством не существовало и следовательно Турция не могла вести никаких переговоров ни с прямыми, ни с косвенными представителями такого образования и что, наконец, желая во что бы то ни стало базироваться исключительно на хартии 24 июля 1922 года о мандатах, без всякого упоминания об особом режиме Александретты и Антиохии, Франция освобождает Турцию от всех договорных отношений, значащихся в Ангорском соглашении 1921 года, подтвержденных Лозанским трактатом.

На эту аргументацию французское правительство ответило предложением двух методов для разрешения спора.

Первый метод — изучить вопрос о тех гарантиях, которые Турция пожелала бы получить в том случае если вопрос о суверенитете Сирии над Санджаком не возбуждается.

Второй метод — предоставить Совету Лиги Наций интерпретацию хартии о мандатах и поручить ему дать свое решающее заключение, если Турция будет настаивать на требовании для Санджака нового статута, делающего его независимым от Сирии, ибо этот вопрос выходит за пределы компетенции французского правительства, в качестве мандатной державы.

Турецкое правительство высказалось за второе предложение.

Собравшийся 15 декабря Совет Лиги Наций перенес обсуждение вопроса на январскую сессию, посоветовав делегатам Турции

и мандатной державы использовать остающийся промежуток времени для непосредственных переговоров и постараться, если возможно, найти при участии г. Сандлера, министра иностранных дел Швеции, почву для любовного соглашения.

В то же время Совет, по предложению Франции, несмотря на живейшую оппозицию г. Русту Араса, постановило отправить в Санджак нейтральных наблюдателей для того, чтобы разобраться на месте в положении, которое по утверждению турецкого правительства является чрезвычайно тревожным.

Турецкие делегаты немедленно прибыли в Париж. В числе их находился г. Нуман Менемоглу, изысканный генеральный секретарь турецкого министерства иностранных дел, который всегда проявлял себя непримиримым в отношении Франции в Сирии.

В Париже не удалось добиться лучших результатов, чем в Женеве. Одно обстоятельство однако выяснилось с очевидностью. Это искреннее желание Франции, в пределах возможного, пойти на встречу желаниям Турции.

Г. Русту Арас покинул Париж 24 декабря в состоянии крайнего раздражения, совершенно ясно дав понять, что в случае невозможности миролюбивого разрешения вопроса, его страна сможет прибегнуть к силе.

С этого момента турецкая пресса ополчилась против Франции.

Через несколько дней президент Ататурк, как он это делает ежегодно, отправился в Конию и в дороге имел обычные совещания со своими главнейшими министрами — самый нормальный и многократно повторявшийся во время раз'ездов президента факт. Но этого оказалось недостаточным, чтобы в Париже немедленно распространился, так некстати данный английской печатью, слух о готовящемся занятии Санджака турецкими войсками.

К счастью французская пресса и Кэ д'Орсе сохранили необходимое самообладание и с полным достоинством и единодушием подтвердили волю нации сохранить и укрепить существующие между ней и Турцией узы дружбы.

Турецкое правительство, с своей стороны, тоже проявило большую стоворчивость.

Наблюдатели Лиги Наций, прибывшие в Александретту 1 января, убедились в том, что в области царит относительное спокойствие, несмотря на попытки некоторых крайних элементов создать волнения.

Тем временем было решено, что Лига Наций вместо 18-го соберется 21-го января, чтобы дать турецким делегатам возможность использовать эти 3 дня для того, чтобы по пути остановиться в Париже и сделать, до приезда в Женеву, еще одну попытку стовора с мандатной державой.

Что весьма значительное по численности турецкое меньшинство имеет право на специальные гарантии со стороны держав, призна-

ет весь мир и в первую очередь Франция.

Почему же в этих условиях Турция проявила такую исключительную нервозность? Быть может потому, что ей не хотелось показать, что защищая в принципе независимость арабов и сирийцев, в душе у ней имеются опасения, что эти народы, посягающие в себе элементы внутренних раздоров и разложения, от которых Турция весьма жестоко страдала, не сумеют так скоро усвоить необходимые для самостоятельного государственного строительства и самоуправления качества.

Или быть может потому, что правительство Анкары боится нового очередного отречения Франции на Востоке, которое позволит другим, слишком динамическим средиземноморским державам, использовать вероятные волнения в Сирии, чтобы получить новый мандат на страны Леванта?

Бесполезно заниматься пророчествами. Тем более, что Совет Лиги Наций вынесет свое решение в ближайшие дни.

Доминик Милье.

„Доклады“ генерала Одишелидзе

Наш журнал закончил печатание «докладов» покойного ген. Одишелидзе. Кавказская эмигрантская среда, та, которая интересуется историей и будущей судьбой Кавказа, не могла не отнестись с живым интересом к словам и мыслям человека, который играл такую видную роль в жизни одной из республик Кавказа. Его «доклады» останутся навсегда крупным историческим документом и талантливой и правдивой характеристикой людей, которые строили «демократическую республику» Грузии.

Одновременно, читатель не мог не подметить и то, что, вскользь, генерал дал и кое какую свою характеристику. Очень жаль, что умный, образованный и опытный военный деятель, каким был ген. Одишелидзе, допускал, что Карл Маркс — «могучий ум». Сочувствовал генерал кое в чем и меньшевикам, что, в его положении первого военного лица Грузии, было совершенно излишнее. Однако это не значит, что генерал был марксистом или, что еще хуже, — меньшевиком. Но вполне допустимо, что видя в каждом меньшевике де-

ителе государствеи. безумца, генерал искренне думал, что Карл Маркс был не такой простак. В своей страстной полемике с грузинскими марксистами, Илья Чавчавадзе тоже говорил, что Карл Маркс и Ной Жордания не одно и то же. Но нет сомнения, что, во имя блага своей родины, ген. Одишелидзе всемерно хотел быть полезным даже меньшевицкому правительству, раз обстоятельства сложились так печально, что независимую Грузию возглавили именно меньшевики.

У генерала это не вышло. Все у него сменилось на гнев, когда он увидел, что последователи «могучего ума» только понграли с Грузией, как испорченные ребята, и, проиграв войну, к которой они должны были готовиться нао всех сил, хотя бы только для того, чтобы сохранить свое господство в стране, всю вину возложили на военных.

Свои доклады ген. Одишелидзе прочел только после этого. Быть может вина его в этом. Свои доклады генерал должен был прочесть не в эмиграции, а там на родине, когда было еще не поздно! Но Грузия была не такое государство. Остановиться постоянно и последовательно на строго принципиальных позициях и сохранить свой пост в той свистопляске чертей, каковой было меньшевицкое правление, было невымыслимо.

Постоянным и несменяемым был один только глава государства, он же и глава правительства — г. Жордания, генералы же держались на своих постах только два-три месяца. Но и эта постоянная и несменяемая власть главы государства была вещь без собственного футляра. Жордания не был человеком поставленным только во главе государства и правительства, хотя казалось бы, что такого совмещения было больше чем достаточно для одного человека...

Эмиль Вандервельде, известный бельгий-

ский министр и глава делегации Второго Интернационала, посетившей «социалистическую» Грузию, так и уехал от нас, не поняв, что за грузинский богдыхан был г. Жордания. Он посетил четыре главных «учреждения» республики: правительство, сплошь состоявшее из меньшевиков, социалдемократическую партию, совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и штаб народной гвардии, и всюду г. Жордания принимал его как председатель. Знатный гость махал головой и не понимал: в чем дело?

Грузия была такая республика и г. Жордания такой глава государства. А потому и в стране царил соответствующий хаос. Крестьянство было объявлено «контр-революционным» (подобное заявление принадлежит лично г. Жордания), купцы — «спекулянтами», дворянство экспроприровано и изгнано из своих поместий; общества — никакого, как и полагается в социалистическом государстве, и на сто тридцать человек, членов парламента или Учредительного Собрания, буржуазной или дворянской «контр-революции» насчитывалось только десять голосов.

Куда же и к кому генералу Одишелидзе и другим генералам можно было ходить со своими проектами и протестами?

Но не могло быть и самых проектов, скольконибудь обдуманных и похожих на серьезную военную программу, если власть была такая!

Едва какойнибудь генерал, находящийся на важном военном посту, надумывал новый проект, его заменяли другим. Ген. Одишелидзе был самый лойяльный из них, но и он не держался скольконибудь долго на одном посту. Это мы знаем из его докладов. Но не держались не только генералы, но, в силу какойто адской мысли, долго не держались даже военные министры, поставляемые исклю-

чительно из меньшевицкой партии. За два с половиной года существования республики их перебивало несколько. Лишь только меньшевик военный министр, врач или адвокат по профессии, начинал усваивать военный устав, его заменяли другим. За то несменяемым и постоянным оказался товарищ Гогуа, начальник снабжения грузинской армии! Если грузинской армии суждено еще воскреснуть, то в памятную книжку грузинского солдата нужно вписать: «Долой Гогуа! Долой Гогуа! Долой Гогуа!». Это тоже самое, что — «Долой меньшевизм!». Предвидя с точностью, что сильная национальная армия, чего доброго, свергла бы меньшевицкий строй, Гогуа и оказался человеком, через кого меньшевики осуществляли свой истинный план: не иметь подлинной армии.

«Доклады» ген. Одишелидзе это и выяснили. Все же остальное и наши споры, националистов, о наших генералах, и места из «докладов» ген. Одишелидзе, способные поднять разногласия между нашими же военными людьми — второстепенное дело. Наш грузинский долг любить и уважать наших военных людей, честно и усердно желавших быть полезными своему народу, и только чудовищный меньшевизм и марксизм, покушающиеся на благополучие нации, ее идеалы и будущее, создали положение, когда в опасную минуту народ оказался без армии и должной военной обороны.

Остается только один вопрос, как же бывшая власть и меньшевики отнеслись к докладам ген. Одишелидзе?

Известно, что автор прочел свои «доклады» в Константинополе еще в 1921 году, главным образом в меньшевицкой среде. Затем эти доклады появились в отдельных списках. Но ни при жизни ген. Одишелидзе, ни после его смерти, когда списки эти ходили

по рукам, меньшевики не сочли для себя нужным ответить на них. Обошли меньшевики молчанием и то, что было напечатано в грузинском военном журнале «Мхедари» о войне 1921 года и о военной политике меньшевицкого правительства. И только в 1936 году, иначе говоря, после того, как «Кавказ» стал публиковать «доклады» ген. Одишелидзе, в меньшевицкой «Брдзалис Хма», еще до окончания печатания нами «докладов», за подписью редакции появились две статьи, якобы опровергающие положения ген. Одишелидзе. «Опровержения» эти никого не убедили. В защиту редакции не выступил ни один компетентный военный грузин, хотя статьи эти появились — одна в декабре 1935 года, другая в январе 1936 года. Следовательно, опровержение это чисто «официальное» и за редакцией скрываются какие то бывшие официальные лица. Это тем более вероятно, что редакция оперирует якобы «архивными» данными. Впрочем, в статьях больше ругани по адресу покойного генерала, ныне беззащитного, чем скольконибудь убедительных «документов». Ибо нельзя же, в самом деле, ссылаться только на архивные номера постановлений «Совета военной обороны», как это делает «Брдзалис Хма», и не привести ни одного доказательства, что постановления эти выполнялись. Сказано, что ад вымещен добрыми намерениями. Доклады ген. Одишелидзе на том и построены, что были живые постановления, а потом предательское невыполнение их. Вряд ли живому генералу Одишелидзе меньшевики посмели бы возражать такими пустяками. И вот, весь позор меньшевицких «опровержений» в этом и заключается. Ген. Одишелидзе бросил им обвинение в лицо, они же возражают ему уже мертвому и спустя пятнадцать лет...

Ш. Амиреджиби.

Кавказ между Севером и Югом

(Армянский вопрос)¹⁾

Я имел уже случай в декабрьском номере «Кавказа» обратить внимание читателей на то, что в основе взаимоотношений Армении с Россией, с одной стороны, и Армении с Турцией, с другой, лежат разные причины, хотя и находящиеся в непосредственной между собой связи. Я также призывал кавказских патриотов отнестись со всей серьезностью к политическому поведению армян, постараться его понять без резкого наперед осуждения, помочь армянам бесприммерно обманутым, вернуться в лоно кавказских народов и занять достойное место как члену одной великой кавказской семьи. Нужно сделать все, чтобы армяне прониклись сознанием необходимости для них разделить участь всех кавказских народов. Нужно дать им все основания уверовать, что лишь в общей спайке со своими вековыми кавказскими соседями их не ждет ничего другого, кроме того, что ждет всех нас. Это возможно только при условии полной искренности и откровенности в изложении того, что мы можем принести на алтарь нашей общей родины — Кавказа и чего мы дать не можем. Армянам будет ясно, чего мы от них хотим и на что они могут рассчитывать. Имеющиеся у нас под рукой материалы неопровержимо устанавливают, что кавказская Армения, можно сказать, всегда стремилась к завоеванию для армян национальных свобод. Эта борьба армян конкретно ставила своей целью осуществление автономных прав для Армении. Позднее борьба эта выразилась и в участии армянских политических партий

в общей борьбе российских социалистических партий с царизмом, при чем не в пример грузинским социалистам, армянская программа минимум ставила своей целью осуществление связи с Россией на федеративных началах. Эти армянские стремления являются основой политической программы известной и теперь пожалуй единственной имеющей реальное значение армянской партии Дашнакцутюн. Не может поэтому быть сомнений в том, что все армянские политические партии были в прошлом и остаются в настоящем партиями строго национальными.

Напротив, среди турецких армян в до дашнакский период мы не находим никаких политических группировок. Не наблюдается здесь оформления какой либо политической программы, ставящей себе целью защиту каких либо особых армянских интересов и вовсе нет и намеков, свидетельствующих о стремлениях к армянской автономии в Турции.

В это время не наблюдается и наличие какой либо связи турецких армян с Кавказом.

Объясняется это, во первых, тем, что, как это теперь установлено, армяне компактной массой, действительно составляя армянскую область, жили и живут на Кавказе и в строгом смысле *Армешей* и сами турецкие армяне считали кавказскую Армению.

Несколько иной представляется география турецкой Армении, какового *политического* понятия, как оказывается, до появления англо-русского соперничества в Турции и появления партии Дашнак в Турции не было. Были армяне в Турции, как были там и греки

¹⁾ См. «Кавказ» № 12/36.

и ми. др. Общее количество армян в Турции определялось от 1 1/2 до 2 миллионов. Эта масса, как известно, была рассеяна по всей территории и владениям бывшей тогда необъятной Османской Империи от границ Кавказа и Персии до Сирии, Египта, Палестины и по балканским странам, причем подавляющая масса этих армян ни в одной из указанных провинций империи никогда не была прочно связана с землей. Армяне в подавляющем большинстве жили в городах, комплектуя значительную часть османской торговой буржуазии и кадры ремесленников и ценных кустарей. Местами наибольшей концентрации армян были Эрзерумский, Харпутский, Диванбекирский, Витлисский, Ванский и Сивасский вилайеты, где они по мнению проф. Гурко-Дряжина, считающегося лучшим знатоком Малой Азии из русских ученых, и бывшего российского министра иностранных дел Сазонова — никогда не составляли абсолютно большинства.

«Армяне в восточных вилайетах, говорит проф. Гурко-Кряжин, — были *скраплены* (курсив мой. — Т. Е.) более или менее значительными земледельческими группами среди *компактных масс* (курсив мой. — Т. Е.) курдов, но и здесь значительная часть армян приходилась на долю городского населения. Та же картина наблюдалась и в Адаванском вилайете, т.-е. в Киликии, где армяне, по численности составлявшие одну треть всего населения области, расселились среди турко-арабов».

Второй причиной отсутствия национального самосознания у турецких армян в эту эпоху являлась удаленность турецких армян от Эчмиадзина, от Кавказа и затрудненность в те времена сношений. Таким образом не турецкие армяне, а кавказская Армения с Эчмиадзином, со своей национальной армяно-

грегорианской религией, хранилищем не только заветов армянского народа, но и всех культурных и исторических памятников — является духовной колыбелью армянского народа. Здесь была ключом армянская подлинно национальная жизнь. Сюда же и направлялись встарь удары против армян и кто знает, не было ли во вражеских рядах и армян палестинских, заиорданских, египетских, сирийских, киликийских и еще Бог знает каких, которые сегодня стали камнем преткновения для взаимного понимания подлинно-армянского народа со своими вековыми братьями — кавказскими народами?

Эти армяне, рассеянные по необъятному пространству бывшей Османской Империи были еще разобщены между собой не только географией, но и принадлежностью к разным христианским религиям. В то время, как мы считали одним из национальных признаков армян их принадлежность к армяно-грегорианской церкви, не малое количество турецких армян принадлежало к римско-католической церкви и для этих последних, как свидетельствуют материалы об армянах, никакой армянской проблемы не существовало. О том же свидетельствуют и русские официальные источники, о которых поведал нам Сазонов, как я указывал в предыдущей нашей статье.

Спрашивается, когда и каким образом возник в Турции так называемый «армянский вопрос»?

Не ограничиваясь теми материалами, которые имеются в моем распоряжении, я обратился с этим вопросом к одному старому армянскому журналисту, давнему эмигранту абдул-гамидовского режима, связанному со мной личной многолетней дружбой.

Моему другу я поставил вопрос ребром: с каких пор начались преследования армян в Турции?

Мой собеседник, не взирая на свой солидный возраст, сразу же начал горячиться и связал с упрёком: «С тех пор, как вы, кавказцы, проникли к нам, начали нас мутить, вот с этого момента спокойная и экономически исключительно благополучная жизнь армян была погублена... До 1876²⁾ года в Турции не было никакого армянского вопроса. Мы жили в Турции и пользовались таким доверием со стороны турок, что последние армян называли *race fidèle*. В 1876 году в Константинополе собралась конференция представителей великих держав, на которой державы потребовали от Турции уравнивания гражданских прав христианского населения в Турции. Под этой терминологией «христианского» населения конференция имела ввиду исключительно болгар, греков, сербов, но никто об армянах и не думал, ибо положение армян, как сказано выше, было совершенно особое, как «*race fidèle*».

«На одно из заседаний этого конгресса вошел внезапно великий визирь Митат Паша и доложил, что Его Императорское Величество султан только что подписал конституцию, уравнивающую всех граждан страны. Конгрессу ничего другого не оставалось, как благодарить и объявить дальнейшие работы конгресса бесцельными. Все это оказалось блефом и вскоре вспыхнула война России с Турцией, якобы для освобождения болгар, но события и ход войны показали, что болгары явились лишь поводом, а сокровенной целью русских был захват Константинополя и продвижение к Средиземному морю. Русские армия успешно продвигались, но уже после падения Плевны Англия начала настаивать перед блистательной Портой на необходимости согласиться немедленно же подписать мир с

Россией, что иначе они будут идти до Константинополя. Султан прекрасно понимал, что Англия не может допустить выхода России к Средиземному морю и не спешил с заключением мира, желая вынудить Англию выступить более активно против России и таким образом русские продвигались и продвигались. Кончилось, как известно, дело тем, что англичане их остановили и война закончилась Сан-Стефанским договором...».

Под шум захватнической по существу войны России с Турцией, Болгарии судьба уготовила реализацию ее независимости. Русским не оставалось, как будто бы, прямого повода для нападения на Турцию. Между тем как вся та же Турция со своей территорией все продолжает оставаться препятствием для России, чтобы спуститься ей к берегам Средиземного моря. Война не приблизила России и к Константинополю. И вот тогда-то русские вспомнили о других христианах, так как игра на болгарях кончилась. Русское правительство начало искать способы использовать турецких армян, тем более, что работа дашнаков на Кавказе вызывала серьезное беспокойство. Задача сводилась к тому, чтобы создав интриги в Турции, направить в то же время работу кавказских дашнаков по другому руслу в соответствии с видами русского правительства. В этом отношении партия Дашнакцутюн, является единственной революционной и социалистической партией, на территории бывшей Российской Империи, которая попала на удочку царского правительства, вступив с этим последним в активное сотрудничество в Турции. До появления в Турции партии Дашнакцутюн ничто не нарушало мирного сосуществования армян и турок. Вся торговля, ремесленная продукция, а стало быть вся экономика страны находилась в руках армян. По заявлению моего со-

²⁾ За точность дат мой собеседник не ручается.

беседника, о котором шла речь выше, никогда в Турции не было правительства, в котором бы армяне не принимали участия, часто на самых ответственных постах, иногда даже во главе министерства иностранных дел.

Мне хотелось бы, чтобы читатель не был введен в заблуждение относительно оценки мною роли партии Дашвакцутюн и вообще армян в рядах российских социалистических партий, а стало быть и во II Интернационале, с одной стороны и в качестве активных пособников политики русского царского правительства в Турции, с другой. На этом двойственном характере армянской политической акции я остановился не для упрека армянам, а потому что двойственность эта лучше всего доказывает справедливость моего мнения, высказанного в начале статьи — что все армянские партии, в том числе и Дашвакцутюн были и остаются строго национальнми армянскими партиями. И с социалистическими партиями, покуда эти партии не видели контр-революции в федеративном устройстве государства и с царским правительством, несомненно обещавшим армянам очень и очень многое в области армянских вожделений в Турции, дашнакам, как армянским националистам, было по пути.

Покончив с болгарской проблемой войной 1878 г., не давшей России ожидавшихся результатов, последняя, как было сказано выше, обратила свое внимание на армян, и для пробуждения турецких армян дашнаки не пожалели сил. Становится совершенно ясным, что соперничество России, безумно стремившейся к новым и новым захватам, к теплым морям и к Индии, и Англии, ставшей стеной против русской агрессии, — с одной стороны и работа дашнаков, с другой, искусственно создали в Турции «армянский вопрос».

Но если русские нашли в Турции армян,

чтобы продолжать свои интриги, то Англия не осталась бездейственной. Прекрасно понимая виды России, Англия решила раз и навсегда поставить у входа в Средиземное море постоянный сторожевой пост и в этих целях лорд Биконсфильд по Берлинскому договору занял остров Кипр. Вот отсюда-то и начинается так называемая традиционная англо-турецкая дружба, не имеющая другой цели, как противостать движению русских к теплым морям, и которая как будто бы снова оживает в последнее время. Русские все-таки не унялись и всерьез занялись армянами и как показали результаты, в расчете на армянских плечах и на армянской крови протасаться до берегов Средиземного моря. Вот этих-то замыслов России и не поняли дашнаки, единственно ответственные перед Арменией, в силу их политической гегемонии над армянским народом, за печальные результаты армянской политики в период великой войны и за предшествовавшие ей три десятилетия.

Нужно отметить, что христианство армян было для России лишь прикрытием. Главное значение придавалось отнюдь не христианскому населению страны, а топографии местности, на которой армяне жили. Будучи сильно пересеченной местностью, с горными массивами, Армения имеет исключительно важное стратегическое значение для тех держав-захватчиц, которые свою миссию видели в том, что бы постоянно продвигаться на Восток и Юго-Восток. Как известно, борьба за обладание этой частью света происходила между различными завоевателями и раньше.

Сазонов в своем докладе Императору Николаю, о котором речь шла в предыдущей статье, на эту сторону «армянского вопроса» обратил особое внимание.

Вот из этого англо-русского соперничества в Малой Азии, особенно явственно обозначив-

шегося с 1878 года, родился и вырос тот вопрос, который известен под именем «армянского вопроса».

**

Таким образом беглого взгляда, брошенного на историю возникновения армянского вопроса в Турции оказывается вполне достаточно, чтобы понять существо этого вопроса. Великие державы, а в особенности Россия, как это установлено, прикрываясь флагом армянской автономии, преследовали вполне ясные цели раздела Оттоманской Империи. В этой борьбе к великому огорчению всех нас и к несчастью самих армян, последние оказались в роли простого орудия в руках чуждых им сил. Короче говоря, то, что армянам представлялось борьбой за святое дело освобождения армянской независимости, по существу оказалось борьбой за раздел Турции и уничтожение турецкой независимости. Не трудно понять, что есть *глубокая разница между тем, что называется борьбой за независимость и борьбой, преследующей политическую смерть старой империи. Одно дело, стремиться отделиться от страны, другое дело — преследовать политическую смерть этой страны.* Сознательно или бессознательно, но являясь орудием в руках России, борьба армян была направлена по этому последнему руслу. Создалось трагическое положение, при котором армянам трудно отмежеваться от политики держав, преследовавших политическую смерть Турции. Трагичность положения осложнилась тем, что армяне в этой борьбе оказались в роли элемента прямого действия — ударного кулака.

**

Россия, желая себе обеспечить поддержку армян в Турции, договорилась с кавказскими армянскими вождями, обещав им за русскую

ориентацию национально-административную автономию и, конечно, армянская работа в Турции приняла широкие размеры. Армяне менее чем в 20 лет успели сделаться из гасе *fidèle* опасным для государства элементом. Султан Абдул-Гамид не имел более покоя. Могущественная Россия все время создавала всякого рода козни под маской защиты армян, как раньше болгар и греков. Ему таким образом пришла ужасная и потрясающая мысль «покончить с армянским вопросом, покончив с армянами» и верные халифу курды получили соответствующую директиву и в 1896 году разразилась грандиозная в Турции армянская резня. Характерная картина этих ужасных дней запечатлелась до сих пор в памяти очевидцев. Великие державы сохранили полное равнодушие, в особенности же обратило внимание всех равнодушие России, органы представительства которой в Стамбуле, как говорят, не спасли ни одного армянина, тогда, как все другие посольства спасали армян, как могли, укрывая их на территории посольств. Когда же, говорят, доложили об этих событиях в Петербурге князю Лобанову-Ростовскому, то он будто бы схватился за голову и в истерике начал кричать: да кто же им болванам, негодьям (туркам) говорил, что бы они устраивали резню на глазах у всех послов в Константинополе... и будто бы в тот же день князь скончался от апоплексического удара. Таким образом, в иностранных кругах Константинополя весьма упорно подозревали, что события 1896 года разразились с ведома тогдашнего русского правительства.

Мы не беремся судить на сколько эти подозрения были основательны, но есть очевидцы этих событий и в Париже, со слов которых мы приводим этот рассказ. Замечательно то, что эти подозрения продолжают жить в них и по сей день.

Объективно же подходу к вопросу и принимая во внимание, что Россия никогда ни о каких армянских вожделениях не думала, что она серьезно опасалась армянской автономии хотя бы и в Турции, вблизи Кавказа и как установлено секретными документами Министерства Иностранных Дел, приведенными мной в предыдущей статье, относилась к идее армянской автономии определенно враждебно — не будет поэтому большого греха допустить, что абдул-гамидовская армянская программа могла отвечать интересам России, метившей, по известному выражению князя Лобанова-Ростовского, на «Армению без армян». Такого рода подозрения, повидимому, разделяли и некоторые руководители армянской политики, так как после этих трагических событий армяне, как сообщает проф. Турко Кряжин, порвали всякую связь с русскими правящими кругами и на довольно продолжительное время.

*
**

Русско-армянское сотрудничество снова возобновилось с 1913 года. До этого года прошло не мало времени и можно было, хотя и с трудом, забыть раны и огорчения, полученные армянами в 1906 г. Партия Дашнакцутюн снова уверовала в спасительную роль России.

На этот раз обстоятельство это оказалось роковым для армян. В вспыхнувшей в следующем 1914 году мировой войне дашнаки приняли весьма активное участие на стороне России. Армянское население в Турции по началу сохраняло лояльность, но дашнаки повели здесь весьма энергичную работу, толкая армян к дезертирству из турецкой армии. Из дезертиров формировались части, которых направляли на фронт против турок. Армяне поставили себя у турецкого правительства в по-

ложение изменников родины и при том у самой русской границы, где концентрация армянского населения была наиболее массивной. Обстоятельство это привело к тому, что султанское правительство приступило к весьма суровым репрессиям, которые привели частью к истреблению, частью к выселению почти всего армянского населения восточных вилайетов, находившихся в непосредственном соседстве с тогдашней русской границей, откуда комплектовались отряды из дезертиров. Очень немногие из выселенных выжили. К великому сожалению дело этим не ограничилось.

В 1920 году, Турция, раздавленная на смерть, была оккупирована союзниками. В глуши гор, долин и равнин Анатолии прославленный защитник Чавак-Кале, генерал Мустафа Кемаль Паша поднял знамя восстания и начал освободительную войну против союзников. Дашнаки «рассудку вопреки» очевидно движимые исключительно чувством мести, снова начали работать в Киликии, оккупированной французами. Получив согласие этих последних, киликийские армяне вместо того, чтобы сидеть спокойно, предприняли ряд карательных экспедиций против турок. Задача была бесцельна, но жажда мести восторжествовала над разумом. Война кончилась победой Мустафы Кемала и Лозанским договором. Несчастные киликийские армяне были вынуждены вместе с ухивившимися французами покинуть веками насиженные места, эмигрировав, как и мы, в разные страны Востока и Европы. Так трагически-преступно покончили державы с «армянским вопросом» в Турции.

Читая эту историю армян, всякий, в ком есть сердце, не может не пожалеть, что в результате безумной политики, имевшей целью уничтожение Турции, так жестоко пострадал талантливый армянский народ, подавляющая масса которого никогда не имела таких чудо-

лицих планов и вряд ли подозревала в какую безумную авантюру толкнули ее Россия и дашнаки. Эту печальную страницу из истории армянского народа мы считали необходимым рассказать для того, чтобы попытаться еще раз обратиться к нашим братьям армянам на Кавказе с настоятельной просьбой оглянуться назад на пройденный путь, изобилующий роковыми ошибками, обсудить положение армян вообще и в частности на Кавказе и занять то место в семье кавказских народов,

которое им по праву принадлежит. На наши многократные обращения стать плечом к плечу с другими кавказскими народами один из ответственных армянских деятелей Джамалиан ответил рядом условий. Мы постараемся со всей объективностью разобраться в условиях, поставленных Джамалианом, а также сказать, куда мы зовем армян и на что мы с ними пойдем.

Тамбий Елекхоти.

(Продолжение следует)

В поисках доктрины ¹⁾

I

Кавказ, это не только колыбель белой расы, но и — если не единственный, то один из немногочисленных — источник всех тех цивилизаций, которые, в конечном итоге, вылились в западно-европейскую. Доказательств этого, кажущегося на первый взгляд абсурдным, утверждения — несчетное множество: во первых и не в пример домыслам «русских» фантазеров — ясное и определенное происхождение кавказских народностей от Яфета; во вторых — установленное археологическими раскопками их общее, восьмидесятилетнее историческое существование.

Кавказцы могут не прибегать к измышлениям, вроде: «...Афет дал племя сильное, храброе и весьма славное. Именно поэтому и стало оно называться «славными» или «славянами». А так как племя это постепенно расселилось, рассеялось по всему свету, то и стало оно называться «россиянами»... главные же славяне и славнейшие были (по-

томки шестого сына Афета, Мосоха. В. Ц.) мосховиты — москвиты — москвичи...».²⁾ Такое представление о себе имели, еще не причесанные Петром Великим, гунны в 17-ом веке, а в 18-ом веке уже причесанный В. К. Тредьяковский писал: «Я мню, что Италия всеконечно от Словенского Удалия, т.-е. страна удаленная от Севера. Предвнные жители в ней, без всякого почитай сомнения, словенские имена имели. Первыми суть Сабини, т.-е. Забины от забийства или от боя и битвы. Вторые Гетруски от хитрости, хитрушки. Третьи Волски от хищения волчки».³⁾ Не менее забавна, относящаяся уже к 19-му веку, теория ген.-лейт. В. Г. Костенецкого,⁴⁾ который: «...почитал русский язык родоначальником всех европейских языков, особенно французского. Напри-

²⁾ Р. Днепров — «Знак Далекый», «Возрождение» № 2853 от 25 марта 1933 г.

³⁾ М. Осоргин — «Ходячие Словечки», «Последние Новости» 31 мая 1936 г.

⁴⁾ Id.

¹⁾ См. «Кавказ» № 10/34 — октябрь 1936 г.

мер, *domestique* (слуга) явно происходит от русского выражения *дом мести*. Кабинет не означает ли как бы нет: человек запрется в комнату свою, и кто ни пришел бы, хозяйина как бы нет дома. И так далее».

Кавказцам, не нужно и искажение смысла целого ряда слов, из которых, наугад возьмем, слова: *век* и *древний*. «Наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями», сказал Карамзин, чтобы русские десятилетия превратить в *века* и события недавнего прошлого именовать *древними*, как в заметке «О раскопках у китайгородской стены»⁵⁾: «Особое внимание *археологов* привлекла найденная под стеной хорошо сохранившаяся кузнечная наковальня 16-17-го веков. Наковальня, являющаяся уникалом, дает представление о кузнечном ремесле в *древней Руси*». Не смейтесь читатель и не сердитесь на меня, за то, что я отвлекся в сторону. Сделать это было необходимо, чтобы понять на чем основывается величие России и на что опираются «русские», когда заявляют, например, «Мало нас, но мы — Славяне», или, что: «Российский Императорский Дом *веками* создававший мощь нашей Империи и раздвигавший ее границы, разумеется, ставит неприкосновенность России на первое место». Выходит, что *Кавказ входил в состав Империи не 5-6 каких-то десятков лет, а слился с Россией в одно тело на протяжении веков*.

Доказательства того, что Кавказ является первоисточником европейской цивилизации на каждом шагу, везде и всюду. Оне и в Св. Писании и в мифологии и в «Книге Мертвых» и, главным образом, в археологических и научных историко-этнографических откры-

тиях. Это: и Прометей и Рай, и Язон со своими аргонавтами и, становящиеся ныне историческими, личности, как: разные Миносы, Пасиней, Цирцей, Медей и др. Это культура злаков, занесенная Озирисом в Египет с Кавказа и это — виноградная лоза, вывезенная Вакхом из Кахетии в Этолию. Это: грузинские монастыри-академии, на Св. Афоне, в Св. Земле, в Сирии, на горах Синайских, на горах Родопских, и т. д.; это — мамелуки, создавшие черкесскую династию в Египте; это — миллионы грузинок и черкешенок переродивших турков-монголов в современный тип турка; это — застольные тосты, песни, танцы разнесенные вместе с виноградной лозой и привитые там, где научились делать вино и, по достоинству оценив его качества, полюбили его.

Все это знают, но, почему то, истина эта всеми забыта. Причины этому, столько же, сколько и доказательств первородства Кавказа, главнейшие же из них это: 1) открытие Америки, отвлекшее Запад от Востока и 2) появление, благодаря этому Отоманской и Российской Империй.

Кавказ, подобно жемчужному зерну затерялся в России; качества его, как капли кахетинского в кружке кваса — стали неосознаемы. Чтобы понять положение, в котором очутился Кавказ после Золотой Эры Грузии (10-11-12-13-ый в.в.), эры, могущей считаться эпохой кавказской цивилизации, необходимо представить себе обстановку, в которой жило человечество 14-15-16-17-го в.в. С одной стороны перемещение очагов и центра, завершившей свой цикл на Востоке и переходившей, как бы по наследству, на Запад — цивилизации. С другой стороны, в результате сношений Европы с Америкой, постепенное, но коренное изменение экономики и социального строя вызвавшее сначала упадок, а потом полное уничтожение корпора-

⁵⁾ См. «Последние Новости» от 14 мая 1936 г.

тивных организаций и появление на месте их пролетариата и либерального капитализма.

В то время, как народы Западной Европы, подражая Америке, делавшей опыт нового государственного устройства, совершали революции, убивали своих королей и провозглашали республики, Кавказ, как бы забытый и покинутый на произвол судьбы, подвергался нападениям и разгрому со стороны чуждых вообще всяким цивилизациям, неизвестно откуда появившихся, точно с неба свалившихся орд.

Европа, увлекшись Америкой, ослепленная золотом ее ваводившим, сошла с пути указанного ей, всеми предыдущими цивилизациями, она не только заблудилась сама, изменив традициям, переданным ей Востоком (крестовые походы), но и переменяла вообще атмосферу Старого Света.

Московское Государство, разросшись в этой ненормальной атмосфере в Российскую Империю, также, как и Оттоманская Империя — обе они — появлением своим, быстрым ростом и мнимым величием обязанные исключительно факту заблуждения Европы — неминуемо должны были исчезнуть в случае выхода человечества на свой старый и верный путь, ибо существование их, как и плесени на Солнце — невозможно, оно несовместимо с благоденствием человечества и противоречит, препятствует ему.

II

Старый Свет начинает понимать свое заблуждение. Еще в 1931 году, де Фельс,⁶⁾ все современные невзгоды, приписывал виновнику двух стомиллионных человеческих групп, из коих каждая считает, что лишь она одна обладает абсолютной истиной, это:

С. А. С. Ш. — пытающиеся разрешить вопрос «борьбы классов» уравниванием их в общем материальном благосостоянии и С.С.С.Р. — сравнивавший всех в нищете. Первые проповедуют индивидуальный капитализм, второй — нивелирующий коллективизм, но источник и того и другого общий, это — отрицающий всякую культуру — материализм.

Гр. Кейзерлинг,⁷⁾ точно сговорившись с де Фельсом, высказал, тогда же, следующее: «Американизм и большевизм это та же идея, но выраженная на двух языках — на одном для богатых, на другом для бедных, а сущность та же — механизация, обезличение человека».

«За последнее десятилетие — говорит де Фельс — европейские государства заимствовали, кое что у русских, кое что у американцев и стараются найти выход в таком компромиссном решении».

Того же порядка мысли, очевидно, бродили в голове недавно умершего Освальда Шпенглера, когда он писал свою книгу «Закат Запада».

Все наше несчастье заключается именно в том, что нации, возглавлявшие последними, человечество, вместо того, чтобы руководить им плетутся в хвосте, то Америки, то России. Старым народам не нужно ни копировать других, ни прибегать к опытам, как это должны делать американцы и русские. У старых народов достаточно их в их многовековой истории, в которой они и должны черпать указания. Делать опыты или копировать других, это — неуважать, оскорблять свое прошлое. *Американцы* — это, как бы, люди порвавшие связь с родиной и переселившиеся с земного шара на планету Марс. Они, этим самым, добровольно отказались и от своих традиций и от своего прошлого. И то и дру-

⁶⁾ «Ля Реню де Пари», декабрь 1931 г.

⁷⁾ Доклад его в Трокадеро в 1931 г.

гое было ни к чему им, там, где приходилось сговариваться с представителями разных наций, считаться с людьми появившимися рядом, случайно, из разных краев и частей света. Лишь путем, долгих и болезненных, совещаний и сговора на собраниях, американцы пришли к парламентаризму, т.-е. к чему то совершенно не нужному и не подходящему для Старого Света и, что, поэтому, ныне, естественно, разлагается. *Русские* — это наоборот, как бы, марсяне спустившиеся на землю, не имеющие ни прошлого, ни традиций, чуждые вообще всяким земным цивилизациям и принужденные копировать своих соседей. Вполне понятно, что: и те и другие, оказавшись в необычных условиях принуждены делать опыты прежде чем наладить нормальную жизнь в новой обстановке. Понятно также, почему и те и другие отрицают всякое значение прошлого и с ним не считаются, а стремятся и претендуют создать, какой-то, *новый мир*. Результаты их опытов могут быть весьма интересны, но только для них одних и для тех, редких представителей старых народов, которые, лишившись Родины по разным причинам, блуждают по свету. Мы же должны, вместо того, чтобы брать с них примеры, углубиться в изучение великого, прошлого наших мудрых предков и отбросить все нам навязанное «русскими» за последние сто лет, а также занесенное, через, изменившую своей роли, Францию, из Америки.

Мы живем в эпоху упадка либерального экономизма и разложения, оказавшимися зловерными, парламентских — политических партий. Гуманизм, выродившийся, постепенно, в либерализм — завершает свой цикл. Идеалы 19-го века: «Декларация прав человека и гражданина», «Свобода, Равенство и Братство» — оказались миражем. Надежды на их чудодейственную способность

«обеспечить рабочим существование, достоинство человека и участие в возрастающих благах культуры» — рухнули. Выборная система, введенная с целью предоставить рабочим политическое влияние в законодательных учреждениях — превратилась, лишь, в способ проникновения к власти под именем рабочих и за их счет, бездарностей, спекулянтов, эгоистов и паразитов. Марксизм и отравленная им современная демократия оказываются тормазом всякого прогресса: скоро будет непонятна их недавняя монополия, как стали непонятными гуманистам «средневековый аскетизм» и «порабощенная церковью личность».

На наших глазах, кроме того, подобно процессу разложения средневековых форм и распада средневекового социального строя в 15-ом веке, происходит выдыхание идей и движений 19-го века. На смену им, и, как, реакция на них, появились идеи и движения, которые, неправильно называть новыми, так как, на самом деле, это лишь прозрение, пробуждение от долгого, летаргического, сна. Идеи эти, все более и более распространяются: Португалия, Италия, Германия, лие демократии разрешить социально-экономический кризис уже развенчали пролетариат, отказались от *Интернационала* и перешли к антиподу его *патриотизму* и это потому, что идеалы *Отечества* несовместимы с идеалами *Интернационалов*.

Как тогда, в 15-ом веке, при зарождении гуманизма, гуманисты, рассматривая античный мир как свою родную старину, увлеклись классической древностью и в ней искали авторитет для оправдания своих учений и оружие для борьбы с средневековыми воззрениями — так теперь националисты всех стран призывают к возврату к прошлому и в этом прошлом ищут фундамент для перестройки хозяйства на корпоративных началах, уста-

воплени единства нации, и восстанавливают семейно-профессиональную культурную деятельность, т.-е. воскрешают все то, разрушение чего началось Великой Французской Революцией 1789 года и завершается Великой Российской нашей эпохой.

События последних лет доказали, что истина не в искусственном и произвольном делении человечества на два враждующих социальных слоя и не в проповедовании ненависти между ними, а в слиянии людей, проникнутых общим национальным пафосом в свой особый организм — *нацию*.

Классы и сословия, это лишь органы нации. «Пролетарии всех стран соединяйтесь» и «Централизация капитала»; вообще всякие Интернационалы, это — призыв к постройке новой Вавилонской Башни из ампутированных от каждой нации ее строго определенных органов. Это — пирамида отрубленных рук или отсеченных голов, всех существующих на земном шаре народностей и свалка их в одну общую кучу.

В. Цицишвили (Вахтанг Карелели.).

(Продолжение следует)

Обзор печати

ТУРКИ И АРМЯНЕ

Стамбульская газета «Джумхурнет» (21-го ноября 1936 года), сообщая о солидарных выступлениях сирийских армян с турками Санджаков Александретты и Антиохии, по вопросу о независимости последних, между прочим, приводит мнение армянского патриарха Месропа Нарояна по этому вопросу. Стамбульский патриарх следующим образом формулирует позицию армян в этом вопросе:

«Турки и армяне прожили совместно долгие века, как одна раса, как один народ. К сожалению, в последний период Оттоманской истории армяне и турки впали в печальные недоразумения, в коих обе стороны виновны и кои испортили их братские отношения. Со времени объявления в Турции республиканского режима, открывающего для всех граждан Турции новую эпоху прогресса и культурного развития, эти старые армяно-турецкие недоразумения совершенно исчезли и два братских народа вновь вернулись в лоно исторического их единства. Сначала счастливой республиканской эры не

только армяне, живущие в Турции, но и те, которые находятся за пределами родины, мне кажется, переживают те-же самые чувства и настроения, что и мы. Следовательно, я в качестве духовного главы армянского мира рассматриваю поведение сирийских армян, действующих там солидарно с турками во имя общих целей и задач, как самое положительное и естественное явление, которое всячески одобряю и не сомневаюсь нисколько, что оно также встречено в высшей степени сочувственно среди турецких армян.

Собственно, заповеди нашей религии особенно повелевают нам способствовать установлению братских отношений между людьми, которым суждено жить на одной и той-же земле. Я счастлив, что имею возможность огласить о своих самих искренних чувствах равно, как тех-же чувствах всех армян через посредство уважаемой газеты «Джумхурнет».

На ту-же тему председатель духовного правления армянского патриархата *Бедрос Хорасанджи* делает следующую декларацию:

«В качестве человека, прожившего боль-

шую часть своей жизни с турками и на государственной службе, должен сказать, что самым большим моим идеалом является желание видеть армян и турок, относящихся к одной и той-же родине, на пути прогресса и развития, спаянными идейным единством. Республиканский режим поощряет во всех нас это сотрудничество. Сегодня в Турции нет различия между турками и армянами. Нежелающие верить этому умышленно закрывают глаза на действительность. Армяне, живущие на чужбине и знающие об ар-

мяно-турецкой мирной жизни, стремятся устанавливать с турками, живущими вне Турции те же самые мирные и солидарные отношения, что существуют в республиканской Турции. Турко-армянская солидарность в Антиохии может служить блестящей иллюстрацией и примером сказанной мысли, и это совершенно естественно.

Историческая и традиционная турецко-армянская дружба и братство отныне возобновятся со всей силой не только в Турции, но и везде».

ХРОНИКА

— Комиссаром народного просвещения Грузии назначен Чкуасели, К. И.

— 28-го декабря умер в Тифлисе, от приступа грудной жабы, известный большевик, председатель ЦИК'а Абхазии, Нестор Лакоба.

— Среди пилотов, выпущенных к новому году бакинским аэроклубом, находится тюрчанка Гюльсум Рустамова, насчитывающая около 200 самостоятельных полетов. Она получила звание летчика-инструктора.

— На место уволенного комиссара юстиции Грузии, Рамишвили, назначен Метонидзе.

АРХИВ МИРЗА ФАТАЛИ АХУНД ЗАДЕ

Из Тифлиса вернулась в Баку ездившая туда специальная комиссия азербайджанских литераторов, для доставки в Баку архива известного азербайджанского драматурга и писателя, Мирза Фатали Ахунд Заде. Архив этот хранился у внука писателя. Он сдан сейчас азербайджанскому филиалу Академии Наук СССР.

Исключительную ценность архива представляют материалы, освещающие всесторон-

нюю общественную деятельность писателя, его статьи по экономическим и философским вопросам, а также богатейшая его переписка с крупными общественными деятелями его времени. Большой интерес представляют рукописи о новом тюркском алфавите, переводы художественных произведений Ахунд-Заде на фарсидский язык и подлинник его поэмы «На смерть Пушкина».

В архиве также обнаружены тетради стихотворений крупных азербайджанских поэтов 18-го и 19-го столетий — Касым-бека, Закира, Вақыфа, Видади и др., а также стихи неизвестных тюркских поэтов.

Материалы эти являются крупным вкладом в историю азербайджанской литературы.

ДОКУМЕНТЫ О ПРОШЛОМ

По случаю открытия «музея обороны Царицына» имени Сталина, «Правда» печатает текст телеграммы, посланной Лениным Сталину, в Царицын, 7-го июля 1918 года. В последней части этой телеграммы читаем:

«Относительно Баку самое важное, чтобы

вы были непрерывно в сношениях с Шаумяном и чтобы Шаумян знал предложение германцев, сделанное Пофффе в Берлине, относительно того, что немцы согласились бы приостановить наступление турок на Баку, если бы мы гарантировали немцам часть нефти. Конечно, мы согласимся».

Но интересно — увидим-ли мы обратное явление? Советские верхи заставляют-ли русских праздновать, хотя бы в виде «развлечения», мусульманские, еврейские или буддийские праздники?

Сомневаемся.

ПОПРАВКА

ЕЛКИ ДЛЯ НЕХРИСТИАНСКИХ ДЕТЕЙ

Большевики, до сих пор строго изговявшие пережитки «религиозного суеверия» и «некультурного времяпровождения» прошлого, теперь нашли, что елка весьма забавная штука для детей. По приказу свыше в этом году всюду зажигались елки. Курьезнее всего то обстоятельство, что елки, по большевицкому росписанию, должны устраиваться и среди детей нехристиан — мусульман, евреев, буддистов и пр.

Вот какую форму принимают иногда неожиданные фолт-фасы нынешних правителей России: сперва искореняются религиозные традиции у того или другого народа, а потом, на этой почве безверья, можно их заменить религиозными традициями другого.

В последний номер нашего журнала, по недосмотру корректора, вкрался ряд крайне досадных опечаток. Исправляем из них главнейшие:

В статье *Халил Хас Мамедли* — «Политическая спекуляция» (стр 25) выпала вторая от начала строка. Следует читать: Совершенно случайно попал в наши руки *бюллетень «Милли Азербайджан Мусават Фиркасы»* и т. д.

В статье *А. Кантемира* — «Кавказ и Россия», на 13-ой странице, 15-ая строка снизу, речь идет не о Гюлистанском, но *Рейтском* договоре 1732 года.

В воспоминаниях *Мусы Паши Кундухова*, на стр. 35, первый абзац, 19-ау строчка сверху, надо читать не... «в числе двухсот дворян...», а «в числе двухсот *дворов...*».

Открыта подписка на 1937 год на ежемесячный журнал

4-ый год
издания

„КАВКАЗ“

4-ый год
издания

Орган Независимой Национальной Мысли

Условия подписки:

	на год	на 6 мес.	на 3 мес.
Во Франции	36 фр.	18 фр.	9 фр.
В других странах	38 фр.	19 фр.	9 фр. 50 с.

Адрес Редакции: Mr Haïdar Bammate, 10, rue de Pléolo Paris (15).